

РОССИЙСКАЯ КИТАИСТИКА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

*А.М. Куликов**

Тяньцзиньские переговоры в дневниках архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена

АННОТАЦИЯ: В статье описывается участие архимандрита Палладия (Кафарова) в Тяньцзиньских переговорах 1858 г., а также отражение переговоров в дневниках Палладия и барона Остен-Сакена. Приводится описание рукописи, находящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и содержащей ранее не опубликованное введение к дневнику Палладия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русско-китайские отношения, Тяньцзиньский договор, Русская духовная миссия в Пекине, архимандрит Палладий, Палладий Кафаров, Евфимий Васильевич Путятин.

Подписанный 1 июня 1858 г.¹ в Тяньцзине русско-китайский Тяньцзиньский трактат об определении взаимных отношений стал седьмым² официальным договором между Россией и империей Цин.

* Андрей Михайлович Куликов, аспирант Отдела Китая Института Востоковедения РАН; преподаватель китайского языка кафедры «Иностранные языки-4» Финансового Университета при Правительстве РФ, Москва, Россия; E-mail: bilis@inbox.ru

© Куликов А.М., 2015

¹ Здесь и далее даты указаны по новому стилю.

² Ему предшествовали: Нерчинский договор от 27 августа 1689 г. — первый договор между Россией и Китаем о границе и торговле, принуждавший Россию ликвидировать все поселения в верхних течениях Амура, маньчжуры, в свою очередь, давали «клятвенное обязательство» не заселять земли на левом берегу Амура. Буринский трактат от 20 августа 1727 г. уточнял расположение пограничных столбов между Китаем и Россией (Разменное письмо от 27 октября 1727 г. уточняло расположение караулов). Кяхтинский трактат

В отличие от предшествующих шести соглашений, Тяньцзиньский трактат между Китаем и Россией являлся частью целой серии неравноправных Тяньцзиньских договоров, подписанных Китаем с Англией, Францией, США и Россией летом 1858 г. — в период Второй опиумной войны (1856–1860)³.

Важнейшим событием, предшествующим началу этой войны, стало восстание тайпинов (1850–1864)⁴, пик которого пришёлся на период 1853–1856 гг. К этому моменту на территории богатых провинций в нижнем течении р. Янцзы повстанцы сумели создать вполне стабильное государственное образование со столицей в Нанкине, которое всерьёз угрожало существованию цинской монархии. Восстание тайпинов повлекло за собой целую череду крестьянских выступлений, направленных против правящего режима. В этих условиях маньчжурская династия Цин испытывала тяжёлые экономические последствия от восстания: значительно сократились налоговые поступления из богатых рисом южных провинций, приходилось нести значительные военные расходы на подавление восстания. Перелом наметился лишь в 1856 г., когда в среде инсургентов начались междоусобицы, которые в итоге привели к поражению всего восстания⁵.

от 21 октября 1727 г. подтвердил установленную границу, порядок возвращения перебежчиков с обеих сторон, разрешил создание торговой слободы в Кяхте, юридически оформил существование Российской духовной миссии в Пекине (РДМ), а также установил порядок официальной переписки между Россией и Китаем (дополнительная статья от 18 октября 1768 г. уточняла порядок сыска и наказания преступников, действовавших на границе). Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту от 8 февраля 1792 г. уточнял административные вопросы Кяхтинской торговли. Кульджинский торговый трактат от 25 июля в 1851 г. открыл для русско-китайской торговли Кульджу (кит. Инин 伊宁) и Чугучак (кит. Тачэн 塔城). Айгунский договор от 16 мая 1858 г. определил русско-китайскую границу следующим образом: левый берег Амура от слияния р. Шилки и р. Аргуни признавался владением России. Вопрос об Уссурийском крае от впадения Уссури в Амур до моря оставался открытым «до определения границ между двумя государствами». Плавание по рр. Амур, Сунгари и Уссури было запрещено для всех государств кроме России и Китая. Подробнее см. [35, с. 1–121; 13, с. 164, 381–382].

³ Русско-китайский тяньцзиньский трактат был подписан 1 июня 1858 г.; американо-китайский 6 июня 1858 г.; англо-китайский 14 июня 1858 г.; франко-китайский 15 июня 1858 г.

⁴ Подробнее о восстании см. [15; 68].

⁵ Подробнее см. [27, с. 308–323; 15].

Международная обстановка в период тайпинского восстания во многом способствовала успехам бунтовщиков — Британская империя, а вслед за ней и другие державы, стремились закрепить успехи⁶, достигнутые в результате Первой опиумной войны (1839–1842), и заставить цинский Китай пойти на новые уступки. Ослабление тяжёлыми крестьянскими войнами страны было крайне выгодно с точки зрения иностранной экспансии в Китае.

«Европейским фоном» нового этапа этой экспансии стало недавнее завершение Крымской войны (1853–1856), закончившейся поражением России и победой коалиции⁷, состоявшей из Османской империи, Франции, Британской империи, Австрии, Сардинии и Пруссии. Согласно Парижскому мирному договору от 13 февраля 1856 г. (см. [34, с. 23–34]), Чёрное море фактически становилось демилитаризованным — России и Турции было разрешено содержать там не более шести военных паровых судов водоизмещением 800 т. и четырёх судов водоизмещением 200 т. Однако, данные условия не являлись равноправными: Турция сохраняла за собой флот в Мраморном и Средиземном морях. Кроме того, статья XIII договора запрещала турецкому султану и русскому царю создавать на побережье Чёрного моря военно-морские арсеналы и крепости. Парижский мирный договор, зафиксировавший ограничения суверенитета России на Чёрном море, положил начало новому этапу российской внешней политики. В условиях враждебности со стороны Англии, не удовлетворившейся условиями Парижского трактата, Россия переориентировала свою внешнюю политику от усилий по сохранению Священного

⁶ По окончании Первой опиумной войны 29 августа 1842 г. Британской империей и Китаем был подписан Нанкинский договор, декларирующий безопасность и покровительство английским подданным в Китае, открытие для английской торговли пяти портов (Сямэнь, Фучжоу, Нинбо, Шанхай и Гуанчжоу) в которых англичане получили право учреждать свои консульства. Договор подтверждал захват Англией острова Сянган и обязывал Китай уплатить контрибуцию в размере 21 млн. долларов, а также регламентировал вывод английских войск из Нанкина и некоторые правила ввоза товаров. 8 октября 1843 г. был подписан дополнительный договор, расширяющий привилегии Британии. В 1844 г. были подписаны аналогичные американо-китайский и франко-китайский договоры, в 1845 г. схожий договор с Китаем подписала Бельгия. Подробнее см. [10, с. 44–48; 13, с. 354–355].

⁷ Следует подчеркнуть, что морские сражения между русскими и англо-французскими войсками происходили, в том числе, и на Дальнем Востоке — в 1854 г. гарнизон Петропавловска-Камчатского отбил англо-французский десант. Подробнее см. [37, с. 4–11].

союза⁸ в пользу сближения с Францией. Так в записке, составленной по поручению Александра II (1818–1881, правил в 1855–1881) канцлером К.В. Нессельроде⁹, и отправленной 17 июня 1856 г. главе русской делегации А.Ф. Орлову¹⁰ в Париж, отмечалось, что Крымская война, и особенно враждебное отношение Австрии, продемонстрировали, что Священный союз фактически прекратил своё существование. Поэтому для устранения угрозы формирования новой европейской коалиции против России необходимо сохранять благоприятные отношения с Францией [13, с. 475–477]. Ограничение возможностей России на западе империи повлияло на активизацию внешней политики на Дальнем Востоке, где в этот же период активизировались и западные державы.

Несмотря на результаты Первой опиумной войны, Британская империя была не вполне удовлетворена объёмами сбыта английских товаров в Китае, в связи с чем планировалось открыть для торговли всю Поднебесную. Кроме того, Англия стремилась к получению права на создание постоянного дипломатического представительства в столице цинской династии — Пекине и добивалась права на свободное плавание по всем китайским рекам. Однако, понимая, что другие державы в лице Франции, США и России вряд ли останутся сторонними наблюдателями, Британская империя неоднократно выступала с инициативой совместных действий в Китае. В итоге, в декабре 1856 г.

⁸ Объединение европейских монархов, возникшее после падения империи Наполеона I. Акт Священного союза был подписан в Париже 26 сентября 1815 г. русским императором Александром I, австрийским императором Францом I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Фактически акт являлся своеобразным договором о взаимопомощи между монархами России, Австрии и Пруссии. 19 сентября 1815 г. к Священному союзу присоединился французский король Людовик XVIII, а впоследствии и большинство монархов Европы. Англия формально не вошла в союз, однако нередко координировала свои действия с его общей линией. Подробнее см. [36, с. 124–125].

⁹ Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) — министр иностранных дел России (1816–1856). Один из организаторов Священного союза, сторонник сближения с Австрией и Пруссией. Советская историография приписывает ему переоценку противоречий Франции и Англии на Ближнем Востоке, что стало одной из причин поражения России в Крымской войне. После заключения Парижского мирного договора 1856 г. отправлен в отставку. Подробнее см. [23, с. 383–384].

¹⁰ Алексей Фёдорович Орлов (1786–1861) — русский военный и государственный деятель, дипломат. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. С 1844 г. назначен шефом жандармов и начальником III отделения. В 1856 г. глава русской делегации на Парижском конгрессе, где сумел добиться некоторого смягчения условий Парижского мирного договора. Подробнее см. [24, с. 201].

соглашение о таких действиях было достигнуто с Францией. Сразу же началась подготовка к военным действиям — в начале декабря 1856 г. вице-адмирал Е.В. Путятин¹¹ сообщил из Лондона великому князю Константину¹², на тот момент управляющему морским министерством России, ряд сведений о постройке Англией и Францией канонерок, предназначенных для плавания по внутренним водам Китая, и высказал предположение о готовящихся военных действиях против Китая.

Для Российской империи наиболее тревожным являлось стремление Британии и других держав получить доступ к внутренним китайским водам. Дело в том, что на тот момент русско-китайская граница по реке Амур по-прежнему оставалась неопределённой. Наиболее острым вопросом для России являлось утверждение юридической принадлежности левого берега Амура, который де-факто уже переходил под её контроль, — для закрепления позиций на берегах Амура в 1855 г. было основано несколько деревень, а на Тихоокеанском побережье развернули строительство военных постов и укреплений [8, с. 253–255]. До начала крымских событий Приамурье, по условиям Нерчинского трактата 1689 г., оставалось нейтральным регионом, однако с началом войны у русского правительства появились серьёзные опасения за восточные владения империи. 29 ноября 1853 г. генерал-губернатор Восточной Сибири, Николай Николаевич Муравьёв¹³ направил великому князю Константину

¹¹ Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883) — русский адмирал и дипломат. В 1827 г. принимал участие в Наваринском сражении. В 1842 г. возглавил успешную русскую дипломатическую миссию в Иран. В 1852–1855 гг. принимал участие в дальневосточной экспедиции на фрегате «Паллада», возглавляя русскую миссию по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией, в рамках экспедиции кратко посетил Китай. 6 ноября 1855 г. подписал первый русско-японский договор, за что получил графский титул. В 1855–1857 гг. находился в качестве военно-морского атташе в Лондоне. В 1857 г. направлен в Пекин с особыми полномочиями, — в июне 1858 г. подписал Тяньцзиньский трактат. Подробнее см. [31, с. 588–589; 28, с. 32–41].

¹² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — второй сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Генерал-адмирал, с 21 января 1853 г. руководил морским министерством. С июля 1857 г. участник комитета по освобождению крестьян. С 1 января 1865 г. председатель Государственного Совета. Подробнее см. [16, с. 120–155].

¹³ Николай Николаевич Муравьёв-Амурский (1809–1881) — русский государственный деятель, генерал и дипломат. В 1847 г. назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. Выступал за расширение связей России с Китаем, Японией и Америкой. В 1850-е организовал несколько сплавных экспедиций по Амуру. Инициатор основания первых русских поселений и

конфиденциальную записку, в которой писал: «Соседний многолюдный Китай... может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан и французов, и тогда Сибирь перестанет быть русскою...» (цит. по [8, с. 249]). Далее Муравьев предлагал перебросить по Амуру к Тихоокеанскому побережью военные силы для укрепления берегов и портов при устье Амура и на Камчатке. Поскольку точные границы по Амуру между Россией и Китаем не были установлены, 11 января 1854 г. Н.Н. Муравьев был уполномочен начать переговоры с цинским правительством о решении погранично-территориальных вопросов. Сознывая, что времени до возможного наступления держав на Дальнем Востоке крайне мало, а переговоры вряд ли успеют завершиться до этого момента, Муравьев начал подготовку к сплаву транспортных судов¹⁴ по Амуру для усиления гарнизонов на Камчатке и в устье Амура. 14 апреля 1854 г. Муравьев уведомил цинское правительство о необходимости прохода судов по Амуру. Не получив никакого ответа, сплав было решено начать 14 мая 1854 г., благодаря чему гарнизон Петропавловска получил своевременную помощь и успешно сумел отразить первый англо-французский удар на русском Дальнем Востоке [8, с. 250–251]. Весной 1855 г. был осуществлён второй сплав по Амуру, в рамках которого был доставлен 481 поселенец, которые основали шесть деревень на левом берегу Амура. 18 февраля 1855 г. о сплаве было сообщено чиновникам *Лифаньюаня* (кит. 理藩院)¹⁵ на что был

укреплений в устье Амура. В мае 1858 г. подписал с Китаем Айгунский договор, определивший русско-китайскую границу по Амуру. В 1861 г. вышел в отставку. 31 июля 2006 г. изображение хабаровского памятника Муравьеву-Амурскому украсило банкноту в 5000 рублей. Подробнее см. [19, с. 101–244; 20, с. 341].

¹⁴ Данные суда, в числе 76 грузовых баркасов и парохода «Аргунь» были построены на Шилкинском заводе, расположенном в 85 км от города Сре́тенск. На их борту находились представители Забайкальского казачьего войска, созданного из бывших горнозаводских крестьян, станичных казаков Забайкальского края и бурятских и эвенкийских отрядов, созданных в 1760–1770 гг. См. [8, с. 250].

¹⁵ Палата по управлению инородцами. Осуществляла управление цинскими наместниками в Монголии, Синьцзяне и других областях с господствующим не-ханским населением; ведала вопросами брака между маньчжурской и монгольской аристократией; организовывала охрану тибетских священнослужителей; занималась вопросами судопроизводства и осуществления наказаний в отношении национальных меньшинств. В дореволюционной литературе часто называется «Трибунал внешних сношений». В соответствии с Кяхтинским трактатом, через *Лифаньюань* велась дипломатическая

получен ответ: «взяв достаточное количество войска, больших и малых пушек и прочих припасов, тотчас по вскрытии рек отправиться к морю и истребить коварных и своекорыстных англичан»¹⁶. Данный ответ, написанный в духе традиционной китайской дипломатии, для которой характерен высокомерный тон по отношению к иностранцам, звучит как приказ, однако на практике, фактически являлся разрешением на проход русских военных судов. Известно, что при проходе через Айгун (кит. Айхунь 瑯琿) местное китайское начальство оказывало помощь в ремонте русских судов. В записке правительству Александра II, Муравьёв подчёркивал дружественное отношение китайцев: «Дружественность отношений к нам китайцев более и более подтверждается теперь теми пособиями (помощью. — А.К.), которые местное [китайское] начальство на Амуре оказывало отрядам наших флотилий, в особенности при починке судов во время следования их мимо Амурского города [Айгуна]» [8, с. 253–254]. Таким образом, по вопросу о проходе русских военных судов по Амuru маньчжурское правительство, с одной стороны, придерживалось традиционной модели дипломатических отношений «Китай–вассалы», но с другой стороны, не пыталось чинить препятствия, и даже оказывало поддержку русской флотилии. Нельзя исключать, что такая модель поведения была проявлением традиционной китайской политики *и и чжи и* (кит. 以夷制夷)¹⁷: с помощью действий русских в Приморье китайцы надеялись ослабить англичан, угрожавших цинской империи с моря.

В июне 1855 г. император Александр II поручил Муравьёву вступить в переговоры с цинскими представителями с целью заключения нового договора о русско-китайском территориальном размежевании

переписка с Россией (от имени Сената) вплоть до учреждения в Пекине в 1861 г. *Цзунли ямэня* 總理衙門 («Главный приказ [по иностранным делам]»). Подробнее см. [44, с. 536; 53].

¹⁶ Цит. по [8, с. 253].

¹⁷ «Используя варваров, подчинять варваров». Термин впервые использован китайским историком Фань Е 范曄 (398–445) из царства Южная Сун 南宋 периода Южных и Северных династий 南北朝 (420–479) в *Хоу-Хань иу* 後漢書 («История [династии] Поздняя Хань») в виде *и и фа и* (以夷伐夷) (рус. «используя варваров карать варваров»). По другим сведениям, термин *и и чжи и* был придуман Ван Аньши 王安石 (1021–1086) — выдающимся китайским экономистом, государственным деятелем и поэтом эпохи династии Сун 宋代 (960–1279) и позднее использовался для описания политики Китая в отношении трёх «варварских государств» Севера — Си Ся, Ляо и Цзинь: поддерживая хорошие отношения с «варварами» из Си Ся и Цзинь, сунский Китай подчинил себе часть территории Ляо. Подробнее см. [51].

на Дальнем Востоке. Переговоры затягивались. Крымская война закончилась, однако наметилась серьёзная угроза экономической экспансии западных держав в Китае и Приамурье, чей статус был не вполне ясен. Британский дипломат Мидоуз¹⁸ призывал правительства западных держав незамедлительно начать навигацию по Амуру, не беря в расчёт «будет ли на это предоставлено право или нет» (цит. по [8, с. 260]). Россия же стремилась закрепить свой фактический статус на Амуре, при этом развитие морской торговли и создание постоянных представительств в Китае не являлись для неё первоочередными задачами.

Сложность ситуации заключалась и в особенностях отношений Российской империи и цинского Китая. Основная торговля между двумя странами осуществлялась по суше через Кяхту (кит. 恰克图) в Монголии, а также Кульджу и Чугучак в Восточном Туркестане. Кроме того, Россия фактически являлась единственной европейской страной, которая обладала постоянным представительством в столице цинской династии — Русской духовной миссией. Хотя основной целью миссии в Пекине являлось поддержание православной веры в среде албазинцев¹⁹ (потомков казаков, пленённых китайцами в остроге Албазин в 1686 г.), однако фактически миссия выполняла сразу несколько функций, включая научно-исследовательскую, переводческую и дипломатическую. В описываемый период в Пекине находилась тринадцатая РДМ (1850–1858), возглавляемая архимандритом Палладием (Кафаровым)²⁰.

Военное столкновение с Китаем для закрепления своего положения на Амуре для России являлось крайне нежелательным, поскольку здесь мог повториться сценарий Крымской войны, когда на помощь

¹⁸ Томас Тейлор Мидоуз (Thomas Taylor Meadows) (1815–1868) — выпускник Мюнхенского университета, где изучал китайский язык под руководством известного немецкого ориенталиста Карла Фридриха Ноймана (Karl Friedrich Neumann) (1793–1870). В 1842 г. прибыл в Гонконг, где работал в качестве переводчика, а также занимался сбором информации. Впоследствии работал в Министерстве иностранных дел Британской Империи. Подробнее см. [65].

¹⁹ В указанный период РДМ не занималась миссионерской деятельностью среди коренного населения Китая, ограничиваясь сохранением православной веры среди небольшого числа потомков албазинцев.

²⁰ Архимандрит Палладий (в миру Пётр Иванович Кафаров) (1817–1878) — участник двенадцатой РДМ (1840–1849), начальник тринадцатой (1850–1858) и пятнадцатой РДМ (1865–1878), один из крупнейших отечественных синологов, внёсших существенный вклад в развитие наук о Востоке (синологии, монголистики). Подробнее см. [42, с. 3–90; 46, с. 476–477].

Турции пришла коалиция западных держав, имевших свои интересы в регионе. По этой причине русское правительство утвердило на должность посланника в Китай человека, считавшегося на тот момент одним из наиболее опытных дипломатов, побывавшего в Китае в 1853 г., и зарекомендовавшего себя в «восточных делах». Этим человеком по протекции великого князя Константина стал Евфимий Васильевич Путятин.

В инструкции Путятину от 19 февраля 1857 г. говорилось, что поскольку англичане собираются добиваться от китайского правительства разрешения на плавание по всем китайским рекам, а Амур и прилегающие к нему земли существующими русско-китайскими договорами сих пор не разграничены, это может привести к крайне неблагоприятным последствиям для российских интересов на Дальнем Востоке. Первоочередной задачей Путятин на переговорах с китайцами стало закрепление за Россией прав на левый берег среднего Амура и морское побережье к югу от низовьев этой реки. Помимо этого Путятину был поручен «вопрос об учреждении в Китае постоянного русского посольства, о допуске в китайские порты русских торговых судов и т.д.» (цит. по [28, с. 38]). Открытие портов было важно для России в первую очередь с точки зрения международного престижа, поскольку Англия, Франция, США и даже Бельгия получили такое право по результатам Первой опиумной войны. Коммерческие интересы для России в данном случае носили второстепенный характер, так как основные маршруты русско-китайской торговли проходили по суше. Министр иностранных дел России, князь Александр Михайлович Горчаков²¹ сообщая Путятину об одобрении его кандидатуры, писал: «Интересы наши и западных держав... так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя на китайских морях, недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами от сухопутной торговли» (цит. по [40, с. 295]).

В начале марта 1857 г.²² Путятин выехал из Петербурга по маршруту Москва–Казань–Пермь–Екатеринбург–Томск–Красноярск–Иркутск. В Иркутске он встретился с генерал-губернатором Муравьевым и отправил письмо в Ургу, в котором просил цинских *амбаней*²³ поскорее

²¹ Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) — дипломат, участник Венской конференции 1855 г., с 1856 г. министр иностранных дел России, добился в 1870 г. аннулирования Парижского мирного договора.

²² 21 февраля 1857 г. по старому стилю.

²³ Маньчжурский термин (кит. *аньбань* 接班), одно из высших чиновничьих званий в империи Цин. Являлся эквивалентом китайского титула *да*

организовать его проезд в Китай. 18 апреля Путятин, находившийся на тот момент в Верхнеудинске, получил письмо от *амбаней*, которые сообщали, что в случае получения ими положительного ответа из Пекина просьба Путятина будет немедленно выполнена [40, с. 291]. Ожидание затягивалось, Путятин направил письмо в *Лифаньюань*, в котором просил прислать ответ на его просьбу до 27 мая 1857 г. Одновременно, граф направил главе РДМ некоторые газетные сведения об отправке западными державами военно-морских сил к берегам Китая. По всей видимости, Кафаров должен был передать вырезки в *Лифаньюань* — Путятин надеялся, что ознакомившись с этой информацией, чиновники *Лифаньюаня* побудят цинский двор к началу переговоров с Россией [40, с. 291]. Не получив ответа²⁴, Путятин отправляется морем до Бохайского залива, где в устье реки Байхэ (白河) встречается с китайскими сановниками, которые сообщают ему, что не могут принять русское посольство, так как между Китаем и Россией «нет важных и секретных дел для обсуждения» [40, с. 293]. Путятин отправляется в Шанхай для получения почты из Петербурга, а через две недели вновь возвращается к устью Байхэ, где вторично просит пропустить его в Пекин, но уже через Тяньцзинь. Получив ещё один отказ, Путятин вновь следует в Шанхай, где узнаёт о готовящемся штурме англо-французскими войсками Кантона. Попытка графа отговорить представителей западных держав от нападения не увенчалась успехом²⁵ и 30 декабря 1857 г. Кантон был взят и подвергнут разграблению [28, с. 39].

Согласно инструкции русского МИДа, Путятин должен был: «[оставаться] в Китайских морях в том же наблюдательном положении, не принимая участия в военных действиях» (цит. по [28, с. 40]). Учитывая тот факт, что сам граф являлся сторонником силового

сюэ-ши (大学士). Амбани фактически выполняли функцию генерал-губернаторов. Подробнее см. [47].

²⁴ А.Н. Хохлов, ссылаясь на донесения архимандрита Палладия в Азиатский департамент, сообщает, что цинские власти, узнав о приближении военных кораблей западных держав, приняли дополнительные меры предосторожности в районе фортов Дагу (大沽), но они оказались недостаточными [40, с. 293]. Таким образом, Кафаров успел передать сведения в *Лифаньюань*, но это не побудило китайцев к началу переговоров с Россией.

²⁵ Путятин писал Горчакову: «Я счёл долгом в видах уменьшения бесполезного кровопролития высказать французскому и английскому полномочным мое мнение насчёт предполагаемых военных действий... Я выразился, что овладение Кантоном, вероятно, мало подействует на правительство в Пекине, а только озлобит местных жителей и увеличит ненависть к европейцам, которою Кантон и без того отличается от прочих портов Китая». Цит. по [40, с. 294].

давления на Китай²⁶, нельзя полностью исключить версию, что его попытка отговорить европейцев от применения оружия носила исключительно символический характер. Впоследствии, Путятин решил присоединиться к требованиям Англии, Франции и США к китайскому императору о назначении полномочных для переговоров в Шанхае [28, с. 40].

В апреле 1858 г. европейские корабли появились у фортов Дагу, прикрывающих подступы к Тяньцзиню. Испугавшись иноземного вторжения, цинские сановники обратились за помощью к Путятину, надеясь, что он сумеет силой убедить представителей держав отказаться от военных действий.

Далее обратимся к дневнику архимандрита Палладия за 1858 г., который он вёл в период предшествующий и последующий подписанию Тяньцзиньских трактатов. Как известно, впервые эти дневниковые записи были опубликованы в журнале «Морской сборник» № 9 и № 10 за 1860 г. (см. [4, с. 483–509; 5, с. 88–105]), — практически сразу после подписания русско-китайского Тяньцзиньского трактата. Публикация была озаглавлена «Выписка из дневника, ведённого в Пекине в 1858 году», подписана инициалами «А.П.» и не содержала прямых указаний на авторство архимандрита Палладия.

В этой публикации дневник был разбит на две части, первая из которых начиналась записью от 17 января²⁷ (день обнародования манифеста китайского императора о взятии Кантона европейскими войсками), а заканчивалась 30 апреля (возвращение автора в Пекин)²⁸, вторая часть дневника начиналась 8 мая (описание пекинских слухов об иностранцах) и заканчивалась 16 августа²⁹ (строительство китайцами новых укреплений между Пекином и Тяньцзинем). Всего дневник содержит 46 записей с середины января до середины августа

²⁶ В указанный период Путятин писал в МИД: «... по ходу дел в Кантоне видно, что одни дипломатические настояния не достаточны для убеждения китайцев изменить образ сношений с другими государствами и что без сильных принудительных мер нельзя достигнуть никакого результата». Цит. по [28, с. 40].

²⁷ В дневнике Палладия все даты даны по новому стилю.

²⁸ В первой части публикации приведены записи за 17 января, 17 февраля, 26 марта, 27 марта, 3 апреля, 4 апреля, 10 апреля, 11 апреля, 14 апреля, 15 апреля, 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 25 апреля, 26 апреля, 27 апреля, 28 апреля, 29 апреля и 30 апреля.

²⁹ Во второй части публикации содержатся записи за 8 мая, 12 мая, 13 мая, 18 мая, 21 мая, 23 мая, 27 мая, 4 июня, 5 июня, 6 июня, 7 июня, 8 июня, 13 июня, 14 июня, 15 июня, 21 июня, 22 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 28 июня, 3 июля, 12 июля, 26 июля, 4 августа, 9 августа и 16 августа.

1858 г. Автор публикации предстаёт перед нами как сторонний наблюдатель или журналист, два раза посетивший Тяньцзинь в период предшествующий и последующий подписанию Тяньцзиньских договоров между Китаем и европейскими державами.

Сведения, опубликованные в «Морском сборнике» за 1860 г., безусловно, интересны с точки зрения путевых заметок по Китаю, но оставляют впечатление недосказанности вокруг роли самого автора на Тяньцзиньских переговорах, а также участия русской делегации в происходящих событиях. Указанные лакуны восстанавливает публикация «Дневник архимандрита Палладия за 1858», вышедшая в журнале «Известия министерства иностранных дел» в 1912 г. [25, с. 225–282].

В кратком вступлении к ней приват-доцент Императорского С.-Петербургского Университета, А.И. Иванов³⁰ отмечает: «выяснилось, что при сличении подлинной рукописи покойного учёного, хранящейся в С.-Петербургском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, при издании дневника были опущены полностью записи за 17 дней, некоторые же из них были сокращены» [25, с. 225]. Далее обнаружен дневник архимандрита Палладия с существенными добавлениями, опущенными в публикациях 1860 г., и биографическими примечаниями А.И. Иванова и И.И. Десницкого³¹. В данной публикации приводятся записи за 75 дней³², причём некоторые из

³⁰ Алексей Иванович Иванов (1878–1937). Родился в Санкт-Петербурге в семье театральных артистов. Окончил Факультет восточных языков СПб. университета. В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию. 17 февраля 1913 г. защитил диссертацию на степень доктора китайской словесности и удостоился звания экстраординарного профессора китайской и маньчжурской словесности. Один из пионеров тангутоведения в России. В 1913 и 1917 гг. — директор Практической восточной академии. В 1920 г. приглашён в МИД для работы в качестве переводчика-информатора, консультанта по Дальнему Востоку, работал в советском посольстве в Китае, затем преподавал в ряде ВУЗов Москвы. Расстрелян в 1937 г. [12, с. 548; 14].

³¹ Иван Иванович Десницкий (1882–1922). Родился в Киеве, учился в Петербурге. С 1908 г. служил в МИД; с 1912 г. 2-й секретарь дипломатической миссии в Пекине. После октябрьской революции 1917 г. остался в эмиграции в Китае. Жил в Шанхае [29].

³² 17 января, 17 февраля, 27 февраля, 10 марта, 26 марта, 27 марта, 3 апреля, 4 апреля, 10 апреля, 11 апреля, 14 апреля, 15 апреля, 18 апреля, 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 25 апреля, 26 апреля, 27 апреля, 28 апреля, 29 апреля, 30 апреля, 1 мая, 3 мая, 4 мая, 5 мая, 7 мая, 8 мая, 9 мая, 10 мая, 12 мая, 13 мая, 16 мая, 18 мая, 19 мая, 20 мая, 21 мая, 23 мая, 27 мая, 4 июня, 5 июня, 6 июня, 7 июня, 8 июня, 9 июня, 10 июня, 11–13 июня, 14 июня, 15 июня, 16–21 июня,

уже имеющих в ранней публикации значительно расширены. Общая канва дневника остаётся прежней, но благодаря новым деталям проясняется роль самого Палладия в указанных событиях, а также его отношения с русским посольством графа Путятина.

Дневник, как и в публикации 1860 г., начинается записью от 17 января, но заканчивается несколько позже — 5 сентября (сообщение о количестве риса, доставленного в Тяньцзинь из южных провинций, а также надеждой Палладия на то, что охлаждение к РДМ со стороны *Лифаньюаня* будет недолгим). Далее мы постараемся отразить основные события, указанные в дневнике.

27 февраля Палладий получает распоряжение *Лифаньюаня* о необходимости перевода депеши французского полномочного, барона Гро³³ от 11 февраля³⁴, адресованной министру Юйчэну³⁵, а также сообщает о сдаче в русское училище³⁶ для перевода двух бумаг графа

22 июня, 23 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 28 июня, 29 июня, 3 июля, 12 июля, 14 июля, 27 июля, 4 августа, 9 августа, 14 августа, 16 августа, 19 августа, 28 августа, 5 сентября. Все даты относятся к 1858 г.

³³ Гро Жан-Батист Луи (Jean-Baptiste Louis Gros) (1793–1870) — барон, французский дипломат, один из первых дагеротипистов. В 1850 г. посланник в Афинах, в 1858 г. подписал французо-китайский Тяньцзиньский договор. В 1860 г. сопровождал французскую экспедицию в Китай, где заключил новый договор. Подробнее см. [11].

³⁴ По всей видимости, в распоряжении *Лифаньюаня* не оказалось никого, кто мог бы перевести французский текст, поэтому за помощью обратились к начальнику РДМ.

³⁵ Юйчэн (裕誠) (?–1858). Происходил из знатного маньчжурского рода Тунгия Хала (佟佳氏) (*Тунцзяши* 佟佳氏), принадлежал к маньчжурскому корпусу Жёлтого знамени с каймой (*Сян-хуан ци* 鑲黃旗). В 1826 г. был назначен Начальником контрольного приказа (*ду юй-ши* 都御史). 12 января 1839 г. назначен главой военного министерства (*бин-бу шаниу* 兵部尚書). В 1851 г. назначен главой министерства финансов (*ху-бу шаниу* 户部尚書). В 1852 г. получил титул *да сюэ-ши* Зала Литературного таланта (см. ниже). Посмертное имя *Вэньдуань* 文端 («Исток образования»). Умер от болезни. Палладий на страницах своего дневника давал министру следующую характеристику: «[Юйчэн] не заведует внешними сношениями, занят делами внутреннего управления и даже не член Верховного совета... [но] по форме и значению, он есть первое государственное лицо в Китае и пользуется особым доверием Государя» [25, с. 227–228]. Из чего можно сделать вывод, что хотя вопрос сношений с иностранцами не входил в прямой круг обязанностей Юйчэна, фактически он им занимался. См. также [59].

³⁶ *Нэй-гэ Элосы вэнь гуань* 內閣俄羅斯文館 («Училище русского [языка при] дворцовой канцелярии»). Основано в 1708 г. при дворцовой канцелярии по Высочайшему повелению императора Канси (康熙) (1654–1722, правил в

Путятин из Макао от 27 января³⁷, адресованных в Верховный императорский совет³⁸. «Барон Гро писал вежливо, но твёрдо, объясняя... необходимость более тесных политических и торговых связей с Китаем... предлагает семь³⁹ статей для нового трактата» [25, с. 227]. В свою очередь, граф Путятин в первой бумаге сообщил китайцам, что для участия в переговорах его и американского посланника Рида пригласили⁴⁰ англичане и французы⁴¹, и что он планирует ограничиться тремя статьями⁴². Список российских требований, естественно, не включал выплату контрибуции и, в отличие от французского, не конкретизировал статью о «расширении торговли», подразумевавшую открытие портов, снятие внутренних таможен, а также свободу перемещения европейцев в Китае. Во второй бумаге Путятин

1662–1722) с целью перевода посланий, приходящих из России и отправляемых туда. Подробнее см. [17].

³⁷ В дневнике есть сведения, что Путятин провёл в Макао зиму 1857/1858 гг.: «...в прошлом году, граф отправился в Шанхай и оттоле в Макао, где провёл зиму; там он постарался присоединиться к англо-французскому союзу и отправился вместе с полномочными в Шанхай... [25, с. 248].

³⁸ *Цзюнь цзи-чу* 軍機處 (Верховный военный совет) — изначально занимался военными вопросами, впоследствии превратился в высший совещательный орган при цинском императоре, в который входили члены императорской фамилии и ключевые сановники. Сам Кафаров даёт ему следующую оценку: «Верховный совет не есть штатная административная инстанция; он состоит из нескольких лиц, избираемых государем для совещания и соображений... в случае дел чрезвычайных приезжают в совет принцы, князья, все министры и другие высшие сановники столицы. Оба отделения совета составлены из лучших чиновников разных палат, также по усмотрению государя. Верховный совет это пекинский кабинет; ныне в нём четыре главных члена...» [4, с. 487].

³⁹ 1. Пребывание постоянного посланника в Пекине или отправление в столицу доверенных лиц. 2. Открытие новых портов для торговли с европейцами. 3. Свободное путешествие европейцев по Китаю. 4. Свобода христианского вероисповедания в Китае. 5. Свободная торговля внутри Китая, в местах производства. 6. Уничтожение внутренних таможен. 7. Вознаграждение военных расходов и потерь европейских держав.

⁴⁰ Как видим, не сумев получить допуск в Пекин для начала русско-китайских переговоров, Путятин решил присоединиться к переговорам в Тяньцзине, но уже как представитель европейских держав.

⁴¹ Данное сообщение, судя по всему, является дезинформацией, так как инициатива присоединения русской делегации к западным державам исходила именно от графа Путятина, а не наоборот.

⁴² 1. Свободные и беспрепятственные сношения с Пекином. 2. Расширение торговли. 3. Свобода исповедания христианской религии.

предлагал решение вопроса о русско-китайской границе путём размежевания её следующим образом: «...отыскав вблизи истоков [Уссури]... другую реку, впадающую в Восточное море, отделив морской берег в наше владение; издержки на переселение маньчжурских семейств с левого берега Амура на правый... Россия готова взять на себя» [25, с. 227]. В данном проекте, предоставленном цинскому правительству, Путятин предлагал отдать Российской империи земли на левом берегу Амура и правом берегу Уссури до морского побережья. В бумаге граф также упоминал о необходимости уточнения территориальных размежеваний в Средней Азии: «желательно также разграничить пределы обоих государств в Илийской области» [25, с. 227].

Исходя из требований барона Гро, Палладий делает следующий вывод о роли европейцев и участии в деле Путятина: «Соображая сущность требования европейцев, нельзя не видеть, что они хотят взять в руки ветхую Империю Китая... что касается до участия графа, по-видимому, он имеет полномочие содействовать европейцам в принятии их настояний у Китайского Правительства, но разве они [европейцы] не могут обойтись без нас? Разве для Китайского Правительства наше участие подобного рода может иметь какую либо силу? И наконец, что мы выиграем, воцарив других европейцев в Китае?» [25, с. 228]. В этот момент Палладий ещё не знал о плане графа при помощи угрозы англо-французской интервенции добиться от цинского правительства территориальных уступок в пользу России⁴³. При этом Палладий задавался резонным вопросом о сомнительной необходимости для европейцев приглашать на переговоры русскую делегацию, имевшую свои интересы в Китае. Кроме того, с точки зрения архимандрита, посредническая роль России, не подкреплённая военной силой, вряд ли бы возымела на китайцев какое-либо воздействие. Отметим, что граф Путятин на предстоящих переговорах руководствовался следующей инструкцией русского МИДа: «Правительство наше решилось не уклоняться от того пути, который оно первоначально избрало в сношениях своих с Китайским правительством, то есть, с одной стороны, продолжать занятие левого берега Амура и других... окрестностей... с другой, — не прерывать наших сношений с Китайским Правительством, возобновление которых было бы чрезвычайно

⁴³ Об этих планах архимандрит узнаёт лишь 26 апреля на русском пароходе «Америка» «из мимолётной беседы со старыми друзьями» [25, с. 248]. Личности «старых друзей» на страницах дневника не раскрываются, но известно, что среди представителей русской делегации был коллега Палладия по 12-й РДМ, Алексей Алексеевич Татаринков.

трудно... и наконец угрожало бы гибелью нашей Миссии и уничтожением Кяхтинской торговли. Согласно такой политике... Ваше Сиятельство будет располагать действиями своими во время пребывания на китайских морях» (цит. по [28, с. 39]). В той же инструкции прояснялась основная цель Путятина на переговорах: «Главную же обязанность Вашу будет составлять наблюдение, чтобы при заключении морских Держав с Китаем не вошли статьи противные нашим интересам, как-то: чтобы ни одна из означенных Держав не выговаривала себе право владения или временного занятия местностей, на которые мы имеем виды...» [Цит. по 28, с. 38–39]. Кроме того, Путятин не должен был допустить, чтобы в число рек, доступных для европейского судоходства, попал Амур. Инструкция Правительства не требовала от Путятина прямого участия в Тяньцзиньских переговорах, однако граф решился на них, исходя из того, что непосредственно процесс переговоров относился к числу мирных инициатив и не противоречил поставленной перед ним задаче — не принимать участия в каких-либо военных акциях. Таким образом, граф, представлявший Россию, не участвуя в военных действиях между китайцами и европейцами и фактически оставаясь сторонним наблюдателем, попытался извлечь дипломатические выгоды из создавшегося положения.

Крайне интересны мысли архимандрита Палладия, не понаслышке знакомого с положением православных миссионеров в Поднебесной, об инициативе графа по установлению свободы христианства в Китае: «Не понимаю... эта статья, которой мы не приобретаем ровно ничего; она явно клонит к утверждению католицизма в Китае; католицизма, с которым наш скромный и даже небывалый⁴⁴ прозелетизм напрасно стал бы соперничествовать. Лучше бы вовсе не упоминать об этом... а воспользоваться... общими правами, которые будут выговорены у Китая для Европы...» [25, с. 228].

По всей видимости, Палладий считал, что размежевание русско-китайской границы на Амуре и Уссури следует решить мирным путём, поэтому ему казалось, что участие русской делегации во главе с Путятиным в тяньцзиньских переговорах, фактически проходивших на фоне военного конфликта между европейскими державами и империей Цин, не будет способствовать благожелательному отношению китайцев к России. Отсюда критическое отношение к попыткам графа добиться решения пограничных вопросов в Тяньцзине:

⁴⁴ Данное слово, очевидно, употреблено в значении «несуществующий», так как с момента своего создания православная миссия не занималась проповедью среди населения империи Цин. В обязанности РДМ входило только сохранение веры в среде потомком албазинцев.

«вопрос об Амуре и Уссури... естественно должен быть решён на месте⁴⁵, как справедливо настаивает Китайский Кабинет... Все эти обстоятельства, в особенности гласная связь и обязательства представителя России с врагами Китая, должны производить здесь тягостное впечатление» [25, с. 228].

10 марта *Лифаньюань* дал письменный ответ на бумаги графа, в котором рекомендовал Путятину отправиться на Амур для встречи с имеющимся там китайским полномочным, а также намекнул, что в случае поддержки русскими маньчжурского Правительства на переговорах с европейцами возможно благоприятное решение «амурского вопроса» [25, с. 228]. Таким образом, предложение Путятина о русско-китайских переговорах в Пекине было вновь отклонено китайской стороной.

26 марта 1858 г. Палладия вызвали в императорскую резиденцию Юаньминьюань 圓明園 в Пекине для помощи маньчжурскому отделению⁴⁶ Верховного императорского совета в переводе прокламаций английского и французского полномочных послов — лорда Эльджина (Элгина)⁴⁷ и барона Гро, опубликованных в английском журнале *China's Mail*, издававшемся в Гонконге. Из чего можно

⁴⁵ Подразумевается необходимость проведения русско-китайских переговоров непосредственно на Амуре.

⁴⁶ В Верховный совет входили не только маньчжуры, но и представители других национальностей (китайцы, монголы). По всей видимости, Палладий в своих записях подразумевает здание, в котором работали члены совета — маньчжуры. Из его дальнейших объяснений становится ясно, что отделения заседали вместе, но жили раздельно: «Мы повернули направо и вошли в маньчжурское отделение верховного совета; оно состояло из двух опрятных комнат, занятых служащими в совете... на юге, за стеной, было китайское отделение совета... двери на восток вели в залу заседания, где заседали члены совета, по обычаю, молча и объясняясь письменно» [4, с. 486–487].

⁴⁷ Джеймс Брюс (James Bruce, 8th Earl of Elgin and 12th of Kincardine) (1811–1863) — английский государственный деятель. В 1842 г. назначен губернатором острова Ямайка. В 1846 г. генерал-губернатор Канады. В марте 1857 г., ввиду конфликта, возникшего вследствие разрушений факторий в Кантоне, отправлен в Китай с чрезвычайными полномочиями. Вёл успешные военные действия против Китая. В июле 1858 г. заключил англо-китайский Тяньцзиньский договор. В 1860 г. вновь послан в Китай, где войска под его руководством взяли Пекин. По некоторым сведениям, в отместку за пленение, пытку и казнь двух десятков европейцев и индусов (среди которых были два английских посланника и журналист газеты «Таймс») приказал полностью уничтожить дворец Юаньминьюань, при этом также рассматривался вариант уничтожения пекинского Запретного города. Подробнее см. [45, с. 672; 60].

сделать вывод, что автор пользовался достаточным авторитетом при маньчжурском дворе.

4 апреля Палладий получает пакет из России, в котором, помимо прочего, имеется письмо Н.Н. Муравьёва, в котором он сообщает Палладию о мирной линии русских на переговорах, и в случае необходимости просит помогать посредничеству графа. Кроме того, Кафаров записывает: «окончательное разграничение по Амуру предоставлено Николаю Николаевичу [Муравьёву]»⁴⁸. При этом суть посредничества Путятина в Тяньцзине для Кафарова остаётся загадкой [25, с. 233].

11 апреля Палладий через русское училище получает лист графа: «на имя министра Юйчэна, которым он [граф] извещает о миролюбивой политике нашего правительства в Китае... предлагает, в общих словах, своё посредничество в распре Китая с европейцами, выражает желание иметь личные сношения с первым министром [Юйчэном] и требует к себе меня с одним из членов миссии⁴⁹, для большего удобства в сношениях своих с китайскими полномочными» [25, с. 233]. Таким образом, становится ясно, что Кафаров отправляется в Тяньцзинь в качестве посредника и переводчика между Путятиным и китайскими полномочными. Сам архимандрит высказывается о предстоящей поездке следующим образом: «Неизвестно, до какой степени будет полезна наша поездка к морю, для участия в посредничестве неопределённого значения» [25, с. 233].

25 апреля прибыв на борт парохода «Америка», стоящий в море, недалеко от устья реки Хайхэ (海河)⁵⁰, автор впервые лично встречается с графом Путятиным. После описания внешности графа, Палладий сообщает детали своей беседы с русским посланником: «мне предстоит содействовать... к принятию его предложений в Пекине, между прочим, о дозволении ему прибыть в Пекин и что требования его заключаются в двух общих статьях: 1) немедленно утвердить его проект об Амуре и Уссури, и 2) даровать нам права, равные будущим правам европейцев» [25, с. 244]. Кафаров, который к этому моменту был уверен, что «амурский вопрос» теперь находится

⁴⁸ Подробнее о ходе Айгунских переговоров см. [8, с. 261–264].

⁴⁹ Им стал Михаил Данилович Храповицкий (1816–1860). Студент и псаломщик 13-й РДМ, сын священника Новгородской епархии, в 1845 г. закончил Петербургскую духовную академию в звании магистра богословия. В Пекине занимался переводческой деятельностью. Впоследствии был награждён пенсией в 500 р. и орденом св. Владимира 4-й степени. Подробнее о Храповицком см. [6, с. 90, 96].

⁵⁰ Одно из названий реки Байхэ, упомянутой выше.

в ведении Н.Н. Муравьёва «с немалым изумлением... узнал из объяснения и тона графа, что Амурский вопрос по-прежнему остаётся в его руках, и что о миролюбивой политике нашей к Китаю и действиях её нет и помина. Граф, по его словам, имеет возможность только советовать китайцам, в чём они должны уступить европейцам, и чего могут не уступать; никакого другого участия он принять не в состоянии...» [25, с. 244].

В беседе Кафарова и Путятин заходит также речь и о распространении христианства в Китае, в которой позиция графа выглядит гораздо более агрессивной, чем у служителя церкви. Палладий «не мог не заметить о неуместности подобного прозелитизма, при настоящих обстоятельствах, но граф с жаром отвергал мои представления... [он] отметил, что сам Христос повелел проповедовать веру мечом... Я смотрел на него, как на Торквемаду⁵¹. „Если китайское правительство не послушает добрых советов, прибавил он, то следует прочесть его, надобно его бить“». — Эту последнюю фразу повторял он всякий раз, как дело шло о неустойчивости китайцев. Я заподозрил, что миролюбивого оборота в нашей политике, да и никакого оборота, не происходило» [25, с. 244–245]. Когда же Палладий вручает Путятину письмо от Муравьёва, граф отвечает: «всё правда, но Н.Н. не может совершить этого (Амурского дела) и хотя я тоже получил новые инструкции⁵², но по обстоятельствам не могу следовать им». Позже выясняется, что граф получил сведения о передаче «амурского дела» Муравьёву от подполковника Мартынова, адъютанта Н.Н. Муравьёва, однако «скрыл их содержание от огласки, предоставляя себе действовать по усмотрению» [25, с. 245] дабы самому добиться решения «амурского вопроса». Таким образом, вопросом русско-китайских территориальных размежеваний на Амуре в этот момент фактически занялись сразу два официальных представителя Российской империи — генерал-губернатор Муравьёв и глава дипломатической миссии Путятин.

⁵¹ Томас де Торквемада (исп. Tomás de Torquemada) (1420–1498) — знаменитый испанский инквизитор. В 1483 г. назначен «великим инквизитором» Кастилии, а затем Арагона. Ему приписывается изгнание мавров и евреев из Испании, конфискация имущества осуждённых инквизицией и многочисленные сожжения еретиков на кострах. Подробнее см. [38, с. 631].

⁵² По всей видимости, под этими «сведениями» подразумевается письмо Муравьёва лично Путятину, в котором Муравьёв сообщает, что «амурский вопрос» будет решаться им непосредственно на Амуре. Однако, Путятин, полагая, что его собственное положение в Тяньцзине гораздо более выгодно с точки зрения ведения переговоров с китайцами, и желая самостоятельно добиться выгодного решения для России, продолжает настаивать на своей позиции.

Примечательно, что хотя оба они знали о действиях друг друга, но продолжали действовать самостоятельно, причём Путятин — вопреки инструкции МИД. В записи от 25 апреля также впервые упоминается сопровождавший графа барон «О.С.»⁵³.

Говоря о требованиях англичан, граф рекомендовал китайцам: «уступить в статьях, о которых он сам ходатайствует, и противиться другим статьям... о пребывании постоянного посольства в Пекине, о свободном путешествии европейцев по Китаю, о торговле внутри Китая, об отмене внутренних таможен и о заведении в Тяньцзине англо-китайского училища по примеру русско-маньчжурского в Пекине» [25, с. 246]. По настоянию графа, Кафаров после возвращения в Пекин должен был содействовать принятию двух основных требований русской делегации: 1) дарования одинаковых прав с европейцами, 2) утверждения проекта графа по размежеванию на Амуре. Таким образом, граф стремился извлечь выгоду из переговоров китайцев с иностранными державами, с одной стороны добиваясь решения «амурского вопроса» в пользу России, а с другой, стремился уравнивать её положение с иностранными державами⁵⁴.

26 апреля Кафарову становятся известны подробности «китайского маршрута» графа, а также его стремление сделать местом переговоров Тяньцзинь: «получив отказ [на проезд в Пекин] в прошлом году, граф отправился в Шанхай и оттоле в Макао, где провёл зиму; там он постарался присоединиться к англо-французскому союзу и отправился вместе с полномочными в Шанхай... и убедил английского и французского посланника плыть к Тянь-цзиню, обещая им от этого полный успех, за что те выразили письменную благодарность. Сам граф, не дожидаясь отъезда европейцев из Шанхая, отплыл прежде их к Тянь-цзиню... Конечно, европейцы, и без убеждения со стороны

⁵³ Фёдор Романович Остен-Сакен (1832–1916) — дипломат, учёный и государственный деятель; по окончании юридического факультета Петербургского университета в 1852 г. поступил на службу в Азиатский Департамент МИД; в 1857–1858 гг. сопровождал в качестве второго секретаря посольства Е.В. Путятина, посланного в Китай для переговоров с цинским правительством. В 1865 г. избран секретарём Русского Географического общества. В 1870–1897 гг. исполнял обязанности директора Департамента внутренних сношений МИД; с декабря 1889 г. — почётный член Российской Академии Наук. Автор *Souvenirs de l'Ambassade du Conte Poutiatine en Chine*, *Journal de St. Petersburg*, 1876. Подробнее см. [43, с. 166].

⁵⁴ Следует отметить, что первоначальная тактика Путятина заключалась в усилении Китая при помощи предоставления ему русского оружия и военных специалистов, после чего граф надеялся решить «амурский вопрос» в пользу России. Подробнее см. [40, с. 284–339].

графа могли бы решиться ехать к Тянь-цзиню, но также могли заставить китайцев сосредоточить переговоры в Шанхае» [25, с. 248]. Таким образом, идея переговоров в Тяньцзине принадлежала именно графу Путятину, который: «под сенью грозных для Китая англичан [стремился] достигнуть и своих целей. Между тем, граф настоятельно убеждал китайцев отнюдь не доводить дела до полного разрыва с европейцами, предсказывая гибельные от того последствия» [25, с. 248].

Кафаров, напротив, полагал, что китайцам следовало если не помочь прямо, то дать советы по обороне. По его мнению, применив тактику *цзянь-би цин-е* (坚壁清野)⁵⁵, и воспользовавшись особенностями местного ландшафта, китайцы сумеют успешно противостоять неприятелю: «положим, что береговых батарей⁵⁶, как говорит граф, в два часа не станет, а что преграды на [Байхэ] ничтожны; но китайцы хорошо знают оборонительный способ действия, называемый ими *цзянь-би-цин-е* (укреплением стен и очищением полей). Неприятели до самого Пекина не могли бы найти ни хлеба, ни подъёмного скота, китайцы могли бы также воспользоваться низменным положением поморской равнины и затопить части её, разрушив плотины у моря и на [Байхэ]; четыре или пять тысяч джонок, стоявших в верховье, послужили бы богатым запасом для брандеров⁵⁷, притом река Бай-хэ, от Тянь-цзиня до Пекина, мелководна и удобна для плавания разве только катеров и гичек, но граф, внутренне сочувствовавший воинственному азарту англичан, не обращал внимания на подобные соображения, и интересовался более узнать, удобна ли дорога внутрь страны для войска, чем рассмотреть местные средства обороны» [25, с. 248]. Очевидно, что на данном этапе граф уже не рассматривал возможность помощи китайцам, гораздо больше его интересовали сведения о слабостях их обороны, зная которые, ему было проще убедить представителей империи Цин пойти на уступки. Именно этим был продиктован его интерес к удобству сообщения между Тяньцзином и Пекином.

В случае положительного ответа китайцев на требования графа, Путятин обещал что «удержит [европейцев] от нападения на береговые крепости, хотя бы данный им [китайцам] на ответ срок шести

⁵⁵ «Укреплять стены, очищать поля» — китайская тактика перехода к глубокой обороне. Данный *чэньюй* взят из биографии полководца Сюнь Юя 荀彧 (163–212), содержащейся в официальной исторической хронике периода Троецарствия (*Сань-го* 三國) (220–280) — «Трактате о Трёх царствах» (*Сань-го чжи* 三國志), составленном историком Чэнь Шоу 陳壽 (233–297).

⁵⁶ Имеются ввиду батареи на фортах Дагу.

⁵⁷ Судно, нагруженное легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами, используемое для поджога и уничтожения вражеских кораблей.

дней и прошёл, но с тем условием, чтобы китайцы всё-таки приняли предлагаемые европейцами статьи, в указанных... графом, ограничениях» [25, с. 249].

27 апреля Палладий выезжает обратно в Пекин, куда благополучно прибывает 30 апреля⁵⁸. Последующие записи за 1, 3, 4, 5, 7 и 10 мая посвящены переговорам Кафарова с чиновниками *Лифаньюань*, суть которых сводится к тому, что китайцы требуют представить в Трибунал письмо с требованиями русской стороны лично от Путятина. Кафаров, не имея такой возможности, письменно сообщает в Трибунал, что граф возложил данную обязанность на него, но китайцы возвращают письмо [25, с. 252–254].

13 мая, в Пекине узнают о сражении 8 мая между англичанами и китайцами у фортов Дагу⁵⁹, причём, по слухам, в сражении принимали участие и русские войска, в связи с чем автор отмечает: «половина нашей дворни бежала из подворья⁶⁰; других я успел остановить благоразумными убеждениями. Никто из посещавших прежде наше подворье не является к нам» [5, с. 89]. В связи с новостями о сражениях в Дагу, *Лифаньюань* возвращает Кафарову его очередное письмо о переговорах. Затянув переговоры в Пекине, китайцы не смогли воспользоваться пусть и весьма эфемерным предложением Путятина от удержания европейцев от нападения. При этом они перешли к действиям постфактум: на протяжении последней майской декады (20, 23 и 27 мая) представители *Лифаньюаня* в лице Сучжана⁶¹ и других чиновников просят Кафарова отправиться в Тяньцзинь для того чтобы убедить графа надавить на европейские державы отказаться от экспансии в Китае, а в обмен китайцы готовы принять все требования русских [25, с. 256–259]. Кафаров, понимая сомнительность обещаний графа, отказывается ехать.

4 июня архимандрит узнаёт о заключении 16 мая русско-китайского Айгунского договора⁶² Н.Н. Муравьёвым. Таким образом,

⁵⁸ На этом заканчивается первая часть публикации 1860 г.

⁵⁹ В ходе сражения англо-французская эскадра успешно высадил десант и при поддержке корабельной артиллерии взяла штурмом китайские форты на правом и левом берегу р. Хайхэ. Подробнее о ходе сражения и силах участников см. [9].

⁶⁰ Речь идёт о подворье РДМ в Пекине, под дворней, очевидно, подразумеваются китайские сотрудники и потомки албазинцев, жившие и работавшие в стенах миссии.

⁶¹ Китайский пристав РДМ, чиновник *Лифаньюаня*, китаец Сучжан. В публикации дневника 1860 упоминается как С.

⁶² Русско-китайский договор, подписанный 16 мая 1858 г. Разграничил русско-китайскую границу: левый берег Амура от слияния р. Шилки и

«амурский вопрос» фактически был снят без какого-либо участия Путятин, при этом нельзя отрицать, что на его успешное заключение повлияли события Второй опиумной войны. В этот же день Сучжан сообщает Кафарову о том, что Путятин требует его и Юйчэна в Тяньцзинь, однако министр в силу болезни ехать не может, поэтому Кафаров отправляется к морю вместе с Сучжаном.

6 июня автор во второй раз пребывает в Тяньцзинь, где 7 июня встречается с китайскими полномочными (*бяньи синиши цюаньцюань* 便宜行事全權): *да сюэ-ши*⁶³ Восточного павильона (*дунгэ да сюэ-ши* 東閣大學士)⁶⁴, управляющим Министерством наказаний (*гуаньли син-бу* 管理刑部)⁶⁵, высоким сановником (*да-чэнь* 大臣)⁶⁶ Гуйляном (桂良)⁶⁷ и председателем Министерства чиновников (*ли-бу шаншю*

р. Аргуни до устья признавался владением России. Вопрос об Уссурийском крае от впадения р. Уссури в Амур до моря оставался открытым. Плавание по рекам Амур, Сунгари и Уссури было запрещено всем государствам кроме Российской империи и цинского Китая. Подробнее см. [1, с. 30–31; 35, с. 110–121].

⁶³ *Да сюэ-ши* 大學士 — китайское придворное звание, буквально означающее «великий академик». Во времена династии Цин, носитель данного титула зачастую не имел никакого отношения к научной деятельности, а являлся одним из министров двора или советником императора. Подробнее см. [50].

⁶⁴ Название одного из шести видов придворного звания *да сюэ-ши* в период Цин. Наименования рангов образованы от названия дворцов в пекинском Запретном городе. Другие: *да сюэ-ши* Зала Полной гармонии (*Чжун-хэ дянь да сюэ-ши* 中和殿大學士), *да сюэ-ши* Зала Сохранённой гармонии (*Бао-хэ дянь да сюэ-ши* 保和殿大學士), *да сюэ-ши* Зала Литературного таланта (*Вэнь-хуа дянь да сюэ-ши* 文華殿大學士), *да сюэ-ши* Зала Военного торжества (*У-ин дянь да сюэ-ши* 武英殿大學士), *да сюэ-ши* Павильона Хранящего письма (*Вэнь-юань гэ да сюэ-ши* 文淵閣大學士). Подробнее см. [50].

⁶⁵ В указанный период Министерство наказаний выполняло следующие функции: заведовало уголовными делами, утверждало меры наказаний, совместно со Столичным Цензором (*Ду ча-юань* 都察院) занималось расследованием преступлений. Подробнее см. [55].

⁶⁶ Чиновный титул, равный званию министра. Даровался как гражданским, так и военным чиновникам.

⁶⁷ Гуйлян (1785–1862) — представитель знатного маньчжурского рода Гювальгия (瓜爾佳氏) (кит. *Гуаэрцзяши* 瓜爾佳氏), принадлежал к корпусу Красного знамени (*Чжэн-хун ци* 正紅旗), был наместником столичной провинции Чжили (直隸), в период Второй опиумной войны принадлежал к «партии мира», которая предлагала пойти на уступки европейцам. Представлял империю Цин на переговорах 1858 г. в Тяньцзине и 1860 г. в Пекине. Подробнее см. [49].

吏部尚書)⁶⁸, командующим (*дутун* 都統) войска голубого знамени с каймой (*сян-лань ци* 鑲藍旗)⁶⁹, высоким сановником Хуашана *花沙納*⁷⁰. В беседе с Палладием, сановники сетовали на то, что хотя все требования русских были выполнены, однако граф Путятин никакой поддержки, кроме советов, китайской стороне не оказывает [25, с. 262]. В этот же день автор посещает русскую делегацию, временно остановившуюся в доме представителя купеческой семьи Хань, где знакомится с американским посланником Вильямом Ридом⁷¹, который проживал в северной половине того же дома. Здесь автор дневника узнаёт о подписании русско-китайского Тяньцзиньского трактата. В расположении русского посольства граф Путятин лично зачитывает Кафарову текст Тяньцзиньского трактата, который Кафаров изначально принимает за черновик, а содержание его вызывает у Палладия полное недоумение: «Надобно было или ограничиться двумя строчками, о даровании нам одинаковых с европейцами прав, или составить полный морской и сухопутный трактат... [договор] был заключён в одну ночь, с чрезвычайной поспешностью, граф боялся, чтобы китайские полномочные не одумались, или, чтобы европейские полномочные не проведали, ему хотелось также заключить трактат прежде других держав» [25, с. 263]. О личном отношении архимандрита к данному трактату красноречиво говорит следующая запись: «ничтожного значения... [трактат], времени было

⁶⁸ Министерство чиновников ведало: организацией экзаменов на чиновничьи должности, отбором кандидатов на государственную службу, проведением аттестации чиновников, вопросами наследования должностей, передачей титулов, выплатой жалований семьям умерших чиновников. Подробнее см. [52].

⁶⁹ По другим данным состоял в корпусе Жёлтого знамени (*Чжэнь-хуан ци* 正黃旗). Подробнее см. [57].

⁷⁰ Хуашана (1806–1859). Выходец из знатной семьи монгольского происхождения Умитэ 伍彌特. Состоял в академии Ханьлинь в чине редактора (компилятора) (*бяньсю* 編修). В обязанности *бяньсю* входило редактирование исторических летописей, однако есть сведения, что в период Цин данная должность не накладывала реальных обязанностей. Хуашана представлял маньчжурский двор на переговорах с иностранными державами в Тяньцзине в 1858 г. Подробнее см. [48; 57].

⁷¹ Вильям Брэдфорд Рид (William Bradford Reed) (1806–1876) — американский юрист, дипломат и журналист. В 1838 г. назначен генеральным прокурором (атторнеем) в штате Пенсильвания. В 1850 г. получил звание профессора американской истории в Пенсильванском университете. В 1857 г. был назначен посланником в Китай, где представлял США во время подписания американо-китайского Тяньцзиньского договора. В 1860 г. вернулся в США, где занимался журналистикой и принимал участие в работе Демократической партии [68].

слишком довольно для составления трактата, полезного для России и достойного нашей дипломатии. Вследствие поспешности... произошло несогласие... были даже пропуски; русский и маньчжурский тексты также были двух редакций» [25, с. 263].

Обращает на себя внимание тот факт, что во время переговоров сам автор находился в Пекине и получил распоряжение о поездке в Тяньцзинь уже после заключения договора. Из чего можно сделать вывод, что роль Палладия на переговорах в большей степени имела вспомогательный характер. Последующие несколько дней архимандрит ещё несколько раз посещает китайских посланников: 8 июня те «трепетали при появлении поверенных Элгина. Гуйлян совершенно изнемог, а Хуашан, по видимому, стал прибегать к... чарке» [25, с. 265]. 13 июня состоялась ещё одна встреча с китайцами, уже в присутствии Рида: «китайские полномочные сидели в стороне на низших местах, не обращая внимания на нарушение этикета, столь священного в Китае, и закрывая глаза, чтобы сосредоточить в себе достоинство...» [5, с. 97].

На тот момент роль графа на переговорах (8, 10, 11–13 и 16–21 июня) фактически свелась к требованию от китайцев не принимать две статьи англичан: 1) о пребывании постоянного полномочного в Пекине и 2) о свободном плавании по р. Янцзы. Учитывая страх китайцев перед англичанами, а также невозможность русской делегации оказать им существенную помощь, исход этого противостояния был предрешён [25, с. 265–270].

14 июня стало днем заключения англо-китайского трактата. В дневниках отмечается, что русская делегация приветствовала выезд британской делегации во главе с лордом Элгином, направлявшейся в храм Хай-гуан сы 海光寺 («Храм морского сияния»)⁷², в котором должна была состояться церемония подписания. Автор подробно описывает торжественную процессию англичан: «...наконец с квартиры л[орда] Элгина раздался крик: ура! возвещавший выезд лорда, заиграла полковая музыка и процессия тронулась. Впереди, с музыкантами, шёл полк с штуцерами; солдаты были в красных мундирах и в белых соломенных шляпах, и шли вольным шагом; за этим полком ехал в богатых носилках л. Элгин, одетый весьма просто; носилки окружали пешие английские офицеры; золотые эполеты и украшения

⁷² Буддийский храм, находившийся к югу от Тяньцзиня. Его постройка была начата в 1705 г. 9 июля 1900 г. он был разрушен японскими войсками, входящими в состав Альянса восьми держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германская империя, Королевство Италия, Российская империя, США, Франция, Японская империя), вторгшихся в Китай для подавления восстания *ихэтуаней* (義和團).

на мундирах их блистали на солнце... За носилками лорда следовали... другие, числом до 30. За вереницей носилок, шёл другой полк, в такой же амуниции как передний; за процессией хлынула толпа любопытствующих китайцев» [5, 1860, с. 97–98]. 15 июня состоялось аналогичное шествие французской миссии во главе с бароном Гро для подписания француско-китайского трактата⁷³.

В период 16–21 июня по настоянию графа в связи с ошибками в русско-китайском трактате было решено составить и подписать у Гуйляна и Хуашана исправленную версию трактата. Палладий описывает эту встречу следующим образом: «Когда граф с нами прибыл в квартиру полномочных, нас встретили только слуги, отозвавшись, что Гуйлян и Хуашан почивают. Граф ждал в приёмной зале около четверти часа, пока, наконец, не привели Гуйляна под руки и не показался Хуашан, с заспанными глазами и зевая во весь рот. Это было неуважение и пренебрежение с их стороны, какого они не осмелились бы оказать последнему англичанину. До такой бесцеремонности дошла наша взаимная дружба или, лучше сказать, довело наше миролюбивое, но безуспешное вмешательство. Полномочные подписали китайский текст трактата не прочитавши его; они так привыкли подписывать без возражений, что можно было заставить их подписать какой угодно трактат; они прибыли сюда, чтобы соглашаться на всё, это было золотое время уступок со стороны китайского правительства, истинно жаль, что мы имели ничтожную долю в сем обильном раздаянии» [25, с. 271]. Подобный вывод свидетельствует, что Палладий, с самого начала критически относившийся к участию России в делах европейских держав в Китае, был раздосадован, что это участие, по его мнению, вдобавок не принесло России никаких существенных выгод.

21 июня Палладий сообщает, что лорд Элгин «недоволен [ответом китайского императора]⁷⁴ и потребовал более ясного и прямого утверждения [англо-китайского трактата]⁷⁵» [5, с. 98]. Желаемое

⁷³ В дневнике Палладия не приводится описание американской процессии, так как американо-китайский трактат был заключён 6 июня 1858 г., когда архимандрит остановился на постоялом дворе в местечке Янцунь (楊村), между Пекином и Тяньцзинем [25, с. 260–262].

⁷⁴ Ичжу 奕訢 (1831–1861, правил в 1850–1861). Девиз правления «Всеобщее изобилие» (Сяньфэн 咸豐). Посмертное имя Вэньцзун 文宗 («Образованный предок»).

⁷⁵ Китайский император, попытался отделаться от английских требований кратким сообщением «смотрел донесение и всё принял к сведению», однако лорд Элгин потребовал более ясного ответа, который вскоре и был получен. См. [25, с. 270].

утверждение он в тот же день получает от графа Путятина⁷⁶. Далее автор дневника описывает идиллическую жизнь европейцев в фактически оккупированном Тяньцзине: «...толпы европейцев ходили по городу и предместьям его, разъезжали, снимали виды и планы, встречались, раскланивались и весело разговаривали, среди жителей, на которых не обращали ни малейшего внимания. Офицеры всех наций поддерживали между собой приязнь, как соотечественники» [5, с. 99].

В своём дневнике Кафаров упоминает и об отношении между иностранными посольствами: «Противодействие графа видам англичан не было тайной... Рид был другом русских, ненавидя англичан от души... барон Гро также... [вёл] дружбу с графом» [25, с. 271].

Начиная с 22 июня, автор начинает готовиться к отъезду в Пекин. Достаточно подробно описываются прощания с американским посланником Ридом, отправляющимся на рейд на русском пароходе «Америка», а также сопровождавшим автора неким Т.⁷⁷, следующего курьером в Петербург по суше, в объезд Пекина.

26 июня автор прибывает в Пекин и описывает подробности судьбы некоторых участников Тяньцзиньских событий: китайских генералов, проигравших сражение при Дагу, а также смерть первого министра Юйчэна, о котором ранее сообщалось, что он является главой *Лифаньюаня* и покровителем Сучжана. Дневник заканчивается записью от 16 августа, в которой содержатся сведения о строительстве китайцами новых батарей и укреплений вдоль р. Байхэ и на пути от Пекина к Тяньцзиню.

В окончательной редакции русско-китайский Тяньцзиньский трактат об определении взаимных отношений имеет 12 статей. С русской стороны его подписал граф Путятин, с маньчжурской — сановники Гуйлян и Хуашана. Первая статья подтверждает мир и дружбу между двумя странами, а также защиту граждан, находящихся в пределах другого государства. Вторая статья посвящена вопросам контактов и

⁷⁶ «Одним вечером Л. Элгин посетил графа... в это самое время доставили нам экземпляр только что полученного из Пекина нового утверждения императора. Государь... вполне и ясно утвердил трактат, экземпляр был подан графу, который сообщил эту новость Элгину. Элгин сказал: „рад, что мы с вами первые узнали об этом!“» [25, с. 270].

⁷⁷ Алексей Алексеевич Татарин (1817–1876), врач 12-й РДМ (1840–1849), изучал китайскую медицину, собрал богатейшую коллекцию гербариев, за свои труды впоследствии получал пенсию в размере 700 р. Участник заключения русско-китайских трактатов в Кульдже и Тяньцзине. Служил консулом в Кульдже. Подробнее см. [6, с. 88, 89].

уравнению дипломатических инстанций⁷⁸. Согласно ей, сношения теперь должны происходить не через *Лифаньюань*, а через старшего члена Верховного государственного совета или главного министра, на основе равенства сторон. Русская сторона получила право назначать полномочного комиссара в открытые порты, кроме того китайская сторона должна была содействовать скорейшему прохождению посланников через Кяхту, Ургу или любой открытый для иностранцев порт. Расходы на посланников отныне несёт не Китай, а Россия, благодаря чему ликвидировалась материальная зависимость подданных Российской империи от капризов маньчжурского правительства, кроме того появилась возможность существенно улучшить финансирование РДМ. Третья статья разрешала морскую торговлю в семи китайских портах (Шанхай, Нинбо 寧波, Фучжоу-фу 福州府, Сямэнь 廈門, Гуандун, Тайвань-фу 台灣府⁷⁹, Цюньчжоу 瓊州⁸⁰ на о. Хайнань 海南 и других местах, которые впоследствии могут быть открыты для морской торговли с иностранцами. Четвёртая статья снимала ограничения на сухопутную торговлю, при этом в морской торговле русские купцы должны были соотноситься с общими правилами китайской торговли с иностранцами. Пятая статья разрешала назначение русских консулов и отправление военных судов во все открытые порты Китая. Шестая статья обязывала китайские власти помогать русским морякам, попавшим в беду, а также предполагала, что в случае надобности ремонта или пополнения запасов русские купцы и военные имеют право заходить в любые (в т.ч. закрытые) порты. В седьмой статье обговаривались правила судопроизводства в открытых для иностранцев местах — суд вершился китайскими представителями, но только сообща с русскими консулами или лицами, представляющими интересы подсудимых. Виновные судились по

⁷⁸ Традиционная доктрина китайской императорской дипломатии строилась на китаеццентричной идее миропорядка во главе с китайским императором. Все иноземцы воспринимались как варвары и вассалы китайского императора. В связи с этим дипломатические представители всех прочих государств должны были исполнять униженный дипломатический протокол, включавший поклоны, символическое поднесение дани и т.п. Некоторые элементы этой системы сохранялись вплоть до падения династии Цин в 1912 г. Подробнее см. [22, с. 166–167].

⁷⁹ Тайвань-фу — уезд Цинской империи, относившийся к провинции Фуцзянь. Образован в 1684 г., включал в себя всю территорию острова Тайвань. По всей видимости, в договоре речь шла об открытии для морской торговли г. Тайбэя [56].

⁸⁰ Современный город Хайкоу 海口.

законам своих стран⁸¹. Согласно восьмой статье, китайцы признавали, что христианское учение способствует водворению порядка, поэтому они должны не только не запрещать его исповедание, но и покровительствовать ему наравне с другими религиями. Миссионеры признавались «добрыми людьми, не имеющими собственных выгод». Им позволялось проникать вглубь Китая. Девятая статья гласила, что границы между Китаем и Россией будут уточнены позднее и станут дополнением к данному трактату. Статья десять меняла порядок отправки РДМ. Отныне её члены могли свободно покидать Пекин по настоянию русского начальства, при этом расходы на содержание пекинской миссии теперь несла Россия. Одиннадцатая статья касалась утверждения лёгкого почтового сообщения между Пекином и Кяхтой для «правильных сношений между китайскими и русскими правительствами», а также нужд РДМ⁸². Отдельно обговаривались сроки доставки тяжёлой почты⁸³. Двенадцатая статья гласила, что все права и преимущества иностранцев отныне распространяются и на Россию⁸⁴, что являлось воплощением дипломатического принципа наибольшего благоприятствования, благодаря которому Россия автоматически получала все права, преимущества, привилегии и льготы, которые маньчжурское правительство даровало другим европейским странам. Договор был составлен на русском, маньчжурском и китайском языках. Известно, что даже в окончательной версии договор содержал разночтения⁸⁵, которые были устранены в 1859 г. Хотя договор явно относился к числу неравноправных и в виде двенадцатой статьи содержал задел на будущее расширение требований, следует отметить, что список первоначальных требований России был существенно скромнее

⁸¹ Согласно шестнадцатой статье англо-китайского трактата 1858 г.: «Китайские подданные, которые совершили правонарушение в отношении британских подданных, берутся под арест и наказываются китайскими властями в соответствии с китайским законодательством. Британские подданные, совершившие правонарушение на территории Китая судятся и наказываются британскими консулами или другими уполномоченными государственными лицами, согласно законам Британской империи» [66].

⁸² Согласно данной статье, в определённое число каждого месяца из Пекина и из Кяхты должны были отправляться китайские курьеры, которые доставляли почту и бумаги в противоположный пункт следования не позднее, чем через пятнадцать дней после отъезда [35, с. 128].

⁸³ Каждые три месяца планировалось отправлять тяжёлую почту с посылками и вещами, как из Кяхты в Пекин, так и обратно [35, с. 129].

⁸⁴ Подробнее см. [35, с. 122–158; 13, с. 835–836].

⁸⁵ См. Приложение.

английских: кроме перемещения миссионеров никак не обговаривался порядок путешествия по Китаю прочих подданных Российской империи⁸⁶, существенно меньше внимания уделялось конкретным вопросам морской торговли⁸⁷, за исключением разрешения проповеди христианства никак не затрагивались вопросы символического характера⁸⁸.

Текст русско-китайского трактата был подготовлен графом Путятиным и представлен Министерству иностранных дел ещё в октябре 1857 г. В литературе встречаются сведения, что в первоначальном его варианте содержалось 14 пунктов [28, с. 39], однако подробностей не приводится. Оценивая окончательный текст трактата, следует отметить акцент на его морской составляющей, которую Россия в силу пока ещё слабого развития судоходства на Дальнем Востоке в полной мере реализовать не могла. Тем не менее, условия данного трактата создавали благоприятные перспективы для развития судоходства между Российской империей и Поднебесной — важные, в свете затруднённого сообщения по суше. Нельзя отрицать и успехи по таким вопросам как равноправное дипломатическое сношение, учреждение постоянного представительства в Пекине, расширение свободы РДМ, а также получение возможности ведения свободной миссионерской работы в Китае и снятие некоторых ограничений на сухопутную торговлю.

Для сравнения, англо-китайский трактат, подписанный 14 июня 1858 г. включал в себя 56 статей и представлял собой наиболее полно разработанный кодекс привилегий иностранцев в Китае. Основная часть статей также была посвящена вопросам морской торговли и судоходства, в числе прочего британские корабли получали право судоходства по р. Янцзы с целью торговли, воспрещался унижительный для иностранцев дипломатический церемониал, все английские подданные получали право свободного путешествия по Китаю, в том числе с целью торговли (подробнее см. [10, с. 58–65; 39, с. 837–838]).

⁸⁶ Согласно 9-й статье англо-китайского договора, подданные Британской империи могли свободно путешествовать по Китаю в случае наличия у них паспорта, выпущенного английским консулом и заверенного местными китайскими властями. В случае отсутствия паспорта или нарушении закона, подданные Британской империи сопровождалась до ближайшего английского консульства. Паспорт не требовался для выезда из открытых портов на расстояние до 100 *ли* [66].

⁸⁷ Данным вопросам посвящена большая часть английского трактата.

⁸⁸ Статья 51 англо-китайского договора запрещала использовать в официальных китайских документах иероглиф *и* 夷 (варвары) для обозначения британского правительства и всех подданных британской империи [66].

Французский договор от 15 июня включал в себя 42 статьи, которые в целом дублировали английский трактат, однако упор был сделан на распространение католичества. В числе прочего отменялось всё «что доселе было опубликовано в Китае по распоряжению правительства против христианского культа» (подробнее см. [39, с. 838]; французский текст трактата см. [60]).

Американо-китайский договор от 6 июня включал в себя 30 статей (см. [67]): отношения США с китайским правительством ограничивались правом свободной переписки и свободой посещения американским представителем Пекина не более раза в год, в открытых портах американцы получали право аренды земли, торговых площадей и недвижимости. Отметим, что благодаря режиму наибольшего благоприятствования США практически сразу же получили все привилегии, указанные в других трактатах (подробнее см. [39, с. 836–837]).

В записи за 23 июня Кафаров отмечает реакцию графа, прочитавшего англо-китайский трактат, в котором в числе прочего были упомянуты статьи о плавании по Янцзы и постоянном представительстве в Пекине: «он упал духом и склонил в раздумье голову... Вскоре однако ж он придумал предположение, что, хотя англичане и будут иметь постоянное посольство в Пекине, но увидев преимущественное влияние на стороне русских, они, вероятно, сочтут за лучшее прекратить, с общего согласия, пребывание посланников в Пекине...» [25, с. 273]. Этим же днём датируется оценка самого Палладия прошедших переговоров: «Мы уезжаем, стараясь поддерживать в себе чувство достоинства. Ехали мы сюда с добрыми целями: угодить Китаю, поддержать его правительство, помочь ему в трудных обстоятельствах и под конец водрузить русское влияние в Пекине на незыблемом основании, оказалось, что мы не могли и не имели средств исполнить то, чего желали чистосердечно. Китайцы ухватились за идею нашего посредничества... мы поспешили воспользоваться страхом китайцев от вторжения европейцев и выхлопотали себе, чего желали, но то, что мы наскоро возжелали, далеко не то, чего должно было бы желать. Наш трактат есть редкий образец дипломатической поспешности... Нельзя не сознаться, что мы значительно сбавили своего значения в глазах Китайского Правительства» [25, с. 274–275]. В последующих записях Кафаров сообщает о возможном повторении военных столкновений между англичанами и китайцами, а также о перемещениях тайпинов на юге.

Второе издание дневника проливает свет на многочисленные подробности, опущенные в первом. Однако никакого объяснения причин, почему первая редакция дневника вышла в столь усечённом виде, в предисловии и комментариях ко второму изданию дневника

мы не находим. По всей видимости, Палладий опасался недовольства графа Путятина, действия которого на страницах дневника явно критикуются. Историю публикации тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия помогают восстановить записки одного из участников названных событий — барона Ф.Р. Остен-Сакена, являвшегося на тот момент 2-м секретарём графа Путятина. Записи эти хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Остен-Сакена [33].

Записи представляют собой рукописные и печатные листы, обёрнутые в книжный переплёт с надписью золотыми буквами на корешке «Тянь-цзинские переговоры и заключение трактатов с Китаем в 1858 г.». В общей сложности они насчитывают 175 пронумерованных карандашом листов и несколько десятков чистых пронумерованных листов. Все содержание тома можно разделить на три части:

1. Рукописное введение барона Ф.Р. Остен-Сакена, рассказывающее историю первой публикации дневников Палладия в 1860 г. Содержит 8 листов рукописного текста и 2 листа рукописных приложений. Введение датировано 15 января 1905 г., заверено подписью самого барона. Данная рукопись нигде не публиковалась.

2. Страницы журнала «Морской сборник» № 9 и № 10 за 1860 г. с публикацией дневников Палладия. Печатные страницы перемежаются белыми листами с рукописным текстом, восстанавливающие фрагменты, опущенные в этой публикации. На страницах имеется множество пометок красным и синим карандашами, а также чернилами, указывающими места, куда следует вставить те или иные рукописные фрагменты текста. Дневниковые записи за те дни, которые полностью отсутствуют в первой публикации, приводятся на отдельных листах с рукописным текстом. Сличение данной рукописи и второй публикации дневников в 1912 г. выдаёт их полное сходство.

3. Рукописный дневник самого барона Ф.Р. Остен-Сакена, озаглавленный «Из дневника ведённого во время экспедиции Графа Путятина в Китай (слабое подражание предыдущему) на пароходе „Америка“ в реке Пей-хо⁸⁹». Дневник начинается записью от 9 мая 1858 г. по старому стилю (28 апреля по новому стилю) и завершается 28 июня по старому (10 июля по новому стилю). В нём содержится 182 страницы и имеется схема с рисунком береговых укреплений Дагу. Дневник полностью нигде не публиковался, хотя его материалы могли быть использованы в подготовке статьи «Souvenirs de l’Ambassade du Conte Poutiatine en Chine» на французском языке,

⁸⁹ Очевидно, имеется ввиду р. Байхэ.

вышедшей в газете *Journal de St. Petersbourg*⁹⁰ в 1876 г. и цитировались А.Н. Хохловым в статьях «Переговоры Е.В. Путятина с Ци Ином в 1858 г.» [41, с. 36–53] и «Англо-франко-китайская война (1856–1860) и вопрос о помощи России Китаю» [40, с. 284–339].

По всей вероятности, барон готовил к публикации оба дневника, однако в силу каких-то причин не смог осуществить задуманного, хотя впоследствии, в 1912 г., дневник Палладия всё-таки увидел свет на страницах журнала «Известия министерства иностранных дел», но при этом без какого-либо упоминания работы над публикацией Ф.Р. Остен-Сакена, но с примечаниями А.И. Иванова и И.И. Десницкого.

Что касается материалов самого барона, то, не имея возможности в силу их объёма, привести здесь полное содержание дневников Остен-Сакена, мы ограничимся публикацией в приложении «Введения», сообщающего важные подробности истории публикации дневника архимандрита Палладия за 1858 г.

Отметим также, что имя архимандрита Палладия на страницах дневника Остен-Сакена упоминается достаточно редко: с. 81–82 (запись от 28 мая): «...Ци-ин⁹¹ привёз сам (неслыханная в Китае вещь) письмо о. Палладия к Графу⁹², который немедленно изготовил

⁹⁰ Газета, с перерывами издававшаяся в Петербурге в период 1873–1914 гг. Выходила на французском языке. Некоторое время являлась официальным или полуофициальным органом печати российского МИД [62].

⁹¹ Ци Ин 耆英 (1787–1858) — выходец из императорского маньчжурского рода Айсин Гёро. Принадлежал к корпусу Синего знамени (*Чжэнь лань-ци* 正藍旗). Представлял маньчжурское правительство на переговорах после окончания Первой опиумной войны. После этого находился в опале, но в 1858 г. вновь был возвращён на дипломатическое поприще. Принимал участие в Тяньцзиньских переговорах 1858 г., как независимый от Хуашана и Гуйляна дипломат, но не найдя общего языка с европейцами, и опасаясь военных действий, бежал в Пекин. По дороге в Пекин был схвачен китайскими властями. В дневниках Палладия описываются обстоятельства последних дней жизни Ци Ина: «по указу [китайского] Государя, скован и препровождён в столицу, как преступник. Надобно было на ком-нибудь выместить бессильный гнев [за поражение от европейцев], напали на Ци Ина, как будто от его бегства зависела судьба переговоров в Тянь-цзине. 9 июня составлен был верховный суд над ним... Верховный суд приговорил Ци Ина к смертной казни... Бедный старик, на склоне дней своих... принуждён был сам прикрепить петлю... надеть на шею... и повиснуть. Какое страшное истязание и насилие воли человека — вынуждение в нём неестественных усилий...» [25, с. 277–278].

⁹² В дневнике Палладия в записи от 23 мая сказано: «Ци Ин присылал ко мне тайно человека... чтобы я написал письмо к графу, и в нём рекомендовал его [Ци Ина], как доброго нашего знакомого в Пекине... письмо он желал сам

письмо к сановнику Юю⁹³ и по совету Палладия пригласил его [Юйчэна] в Тяньцзинь для личных переговоров Графом». С. 118 (запись от 2 июня): «...Получено известие, что архимандрит Палладий прибудет в скором времени». С. 153 (запись от 16 июня): «... Граф жёстко кипятился и отправил к китайским Комиссарам⁹⁴ о. Палладия, а Храповицкого ещё раз к Бяню⁹⁵. Они оба скоро вернулись и подтвердили случившееся⁹⁶ и принесли китайскую копию... английского трактата... о. Палладий нашел Гуйяна в совершенно спокойном духе...». С. 165–166 (запись от 18 июня): «...У Графа изрел (созрел. — А.К.) <...> новый план и он отправил о. Палладия к китайским Комиссарам, с тем чтобы убедить их донести в Пекин о произошедшей в Лондоне перемене Правительства⁹⁷, которой следует воспользоваться и исключить из ратификации Английского трактата обе статьи: о постоянном Посланнике и о плавании по рекам. Но старания оказались тщетны. Слова о. Палладия, а также и последующее совещание самого Графа с Комиссарами не произвело никакого действия⁹⁸». С. 172 (запись от 24 июня): «Чуть свет уехал о. Палладий и Татаринов; первый в Пекин, последний в Россию, минуя по настоянию китайцев Пекин».

лично передать графу. Ци Ин хотел этим возбудить в графе доверие к себе и через него действовать на других иностранцев... я воспользовался случаем и написал письмо к графу, объясняя ему... что, по-моему мнению, для дел европейских и наших... полезнее было бы вызвать Юй Чэна, как первого сановника в государстве» [25, с. 257]. По мнению Палладия, Ци Ин был не лучшей кандидатурой для ведения переговоров с европейцами: «в бытность мою на пароходе [„Америка“], граф рассказывал, что англичане, овладевши Кантоном... захватили архив... [генерал-губернатора Кантона] и отыскали в нём копии старых депеш Ци Ина, заключающих в себе весьма не лестные о них отзывы и донесения; нельзя думать, чтобы англичане приняли этого дипломата с доверием» [25, с. 257].

⁹³ Министр Юйчэн.

⁹⁴ Гуйян и Хуашана.

⁹⁵ Чиновник, участник переговоров с китайской стороны.

⁹⁶ Речь идёт о внесении в проект англо-китайского трактата статей о плавании английских судов по китайским рекам и создании постоянного представительства в Пекине.

⁹⁷ Через американского посланника, представители русской делегации узнали, что английское правительство сообщило лорду Элгину о нежелательности похода на Пекин и предписании ограничиться «благоразумными требованиями» [25, с. 270].

⁹⁸ Речь идёт о получении Путятиным сведений о том, что английское правительство не намерено было отдавать приказа о походе на Пекин. Подробнее см. [25, с. 270].

Дневник архимандрита Палладия, а также архивные материалы из фонда Остен-Сакена позволяют пролить дополнительный свет на историю русско-китайских отношений в середине XIX в., а также предоставляют исследователям богатейший материал о каждодневной работе русских дипломатов того времени. Дневники (как Палладия, так и Остен-Сакена) представляют собой полноценные литературные произведения, которые могут быть интересны не только для специалистов. Что же касается самих участников переговоров, то следует отметить, что о. Палладий, фактически выступавший в роли консультанта и помощника русских дипломатов, в своих мнениях и оценках во многом симпатизировал китайцам, но при этом не всегда был осведомлён о позиции русского Правительства. Судя по дневнику, граф Путятин, защищая престиж собственной родины, а также во многом сообразуясь с характерной для европейцев XIX в. манерой ведения переговоров с китайцами, хотя и добился заключения Тяньцзиньского договора раньше других держав, во многом сделал это руководствуясь личными служебными интересами, в большой спешке, в связи с чем Тяньцзиньский договор получился не до конца проработанным. Следует отметить, что картина, представленная в дневниках, полностью опровергает утверждение, высказанное Плотниковой, что Тяньцзиньский договор являлся последним «равноправным договором Китая с европейской державой»⁹⁹ [28, с. 41]. Хотя Россия и не принимала прямого участия в военных действиях, в глазах китайцев она во многом приобрела черты европейской державы, имевшей не самые благородные цели в цинском Китае. На формировании такого отношения сказалось участие графа Путятина в Тяньцзиньских переговорах, как одного из представителей европейских держав¹⁰⁰.

⁹⁹ По идеологическим соображениям в советской историографии русско-китайский тяньцзиньский трактат было не принято называть «неравноправным», однако, попыток доказать его «равноправность» также не предпринималось. Как правило, высказывалась точка зрения, что Россия активизировала свою деятельность в Китае в ответ на действия Англии, Франции и США для укрепления обороноспособности русского Дальнего Востока. Исходя из сведений, представленных в дневнике Палладия, никаких серьёзных противоречий между позициями Российской империи и США на переговорах 1858 г. не было, страны во многом действовали одинаково.

¹⁰⁰ Впоследствии граф Путятин пытался сгладить это отношение путём предоставления Китаю современного оружия и военных инструкторов. 15 июня 1858 г. Путятин писал Горчакову: «...настояния о принятии от нас китайским правительством улучшенного оружия и о согласии на присылку некоторого числа наших офицеров в Пекин были снова возобновлены мною, как единственное средство, которым можно убедить Пекинский кабинет, что

Тем не менее, с точки зрения престижа, а также закрепления равных прав с европейскими державами, Тяньцзиньский договор, подписанный без единого выстрела русского оружия, безусловно, следует назвать успехом русской дипломатии.

Приложение

Введение Ф.Р. Остен-Сакена к дневникам архимандрита Палладия и барона Ф.Р. Остен-Сакена¹⁰¹

Введение

В этой книжке соединены два рассказа или, точнее, два дневника ведённые за один и тот же период времени. Первый из них принадлежит лицу почти постороннему зрителю и наблюдателю происходивших событий; второй составлен одним из действующих лиц, впрочем весьма второстепенным. Первый есть произведение образцовое, высокоталантливое, в высшей степени любопытное, увлекательно написанное; второй — труд ничтожный, ученический, показывающий малую наблюдательность автора. Первый дневник принадлежит перу Архимандрита Палладия (Кафарова); второй перу нижеподписавшегося барона Фёдора Остен-Сакена.

История дневников о Палладия весьма любопытна.

При поездках своих Палладий имел привычку записывать ежедневно важное и испытанное. Потом, в известных случаях, он обрабатывал записанное и тогда выходило... (два слова неразборчиво) вроде настоящего дневника или напр. его путевые записки по Монголии в 1849 году (см. [26]. — *А.К.*) и дорожных заметок от Пекина до Благовещенска на Амуре в 1870 году (см. [7, с. 329–458]. — *А.К.*).

Что первоначальные наброски его требовали весьма значительной литературной отделки, в этом я мог убедиться из попавших в мои руки, после кончины Палладия, черновых тетрадей, заключавших в себе продолжение путешествия в 1870 году вниз по Амуру до Уссурийского края. К крайнему сожалению оказалось совершенно невозможным напечатать эти любопытные и оригинальные наброски,

Россия действительно желает добра Китаю, и вместе с тем даёт перевес нашей политике в Среднем государстве пред прочими нациями, решившими подчинить Китай своему влиянию». (цит. по [41, с. 52–53]). Данное предложение было принято лишь в 1861 г., после чего в Китай было доставлено 10 тыс. нарезных винтовок, батарея полевых орудий, 500 боевых ракет и 70 ящиков с запасными частями для оружия и пушек. Подробнее см. [40, с. 284–339].

¹⁰¹ Авторская орфография, а также написание имён собственных сохранены.

из уважения к памяти покойного. Они, надеюсь, сохранились в Архиве Географического Общества¹⁰².

Но на Пекинский дневник 1858 года Палладий положил очевидно особенные старания и дал полную волю своей сатирической жилке; а пищи для этого было достаточно.

Я не стану описывать домашний обиход нашего Посольства: всё подмеченное о. Палладием, увы, совершенная истина¹⁰³. Можно представить себе какую странную и смешную должна была показаться ему среда в которую он внезапно попал после восьмилетней, тихой, созерцательной жизни в Пекине. К тому же бедный граф Путятин и наружность своей и обращением всегда производил отталкивающее впечатление на всех имевших с ним дело и неподготовленных.

И вот Палладий стал замечать, удивляться, негодовать — и записывать. По всей вероятности, эти записки никогда бы не увидели света Божия, если бы не — Пётр Николаевич Перовский¹⁰⁴.

Пётр Николаевич Перовский был назначен Приставом четырнадцатой (и последней)¹⁰⁵ Пекинской Духовной Миссии, которая отправилась из Петербурга весной 1857 года. Предполагалось, что в Пекине она застанет ещё графа Путятина, который со свитою своею, отбыл из Петербурга в феврале того же года. Но, как известно, китайцы

¹⁰² Речь идёт о путевых заметках архимандрита Палладия, которые он подготовил по результатам своего путешествия по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг., совершённого им по заданию Императорского Русского Географического Общества. Подробнее см. [18, с. 114–122].

¹⁰³ Кафаров описывал быт посольства Путятина следующим образом: «...граф пригласил китайских полномочных к себе на обед, но они решительно отказались; да и хорошо сделали, пришлось бы угощать китайским столом, у графа не оказалось запасов; не было даже, кроме повара, никакой прислуги, на всём [русском] пароходе был один слуга... Граф довольствовался босоногим матросом; русская компания нуждалась во всём и приехала сюда как будто на плохую дачу, не догадавшись запастись, хоть на всякий случай, самым существенным» [25, с. 271].

¹⁰⁴ Пётр Николаевич Перовский (1818–1865). Родился в семье Таврического вице-губернатора Николая Ивановича Перовского. В 1835 г. окончил Императорский Царскосельский лицей. С 1841 г. работал в Азиатском Департаменте в должности младшего помощника столоначальника. В 1846 г. назначен старшим столоначальником. С 1852 г. — начальник Первого Отделения Азиатского Департамента. В 1863 г. назначен генеральным консулом в Геную, где и скончался. Подробнее см. [3, с. 551].

¹⁰⁵ Подразумевается, что четырнадцатая РДМ (1857–1864) стала последней миссией, которая была отправлена в Китай в соответствии со «старыми» правилами, регламентированными Кяхтинским трактатом 1727 г. «Новые» правила были установлены Тяньцзиньским трактатом 1858 г.

отказались принять незванейшее¹⁰⁶ посольство Путятин, и он спустился по Амуру в Николаевск, а оттуда на пароходе отправился в Печелийский залив (Бохайский залив. — *А.К.*) и т.д. — В донесении своём Министерству из Троицко-Савска¹⁰⁷, Путятин, объяснив недружелюбный поступок китайцев, предложил между прочим приостановить отправку новой Духовной Миссии, чтобы тем окончательно показать китайцам неудовольствие Русского Правительства. Это, крайне непрактическое, предложение было принято, принесло Министерству много лишних расходов и не принесло никакой пользы. Китайское Правительство отнеслось к этому с обычным своим равнодушием. — Новая Духовная Миссия¹⁰⁸, в полном своём составе провела зиму 1857–58 года в Иркутске. Перовский, за это время, успел сблизиться с генерал-губернатором Муравьёвым и понравился ему; и когда последний весной 1858 отправился на Амур, то взял Перовского с собой. Таким образом ему удалось быть участником при заключении Айгунского трактата и поместить своё имя в лист подписей на этом трактате. Сколько помнится, Муравьёв представил его за это к какой-то награде и таким образом приобрёл себе в лице Перовского преданнейшего человека.

Осенью 1858 года [четырнадцатая] Духовная Миссия отправилась из Кяхты к месту назначения. Она прибыла в Пекин 28 сентября 1858 года (донесение от архимандрита Гурия¹⁰⁹ ... (три слова неразборчиво)

¹⁰⁶ Очевидно, автор подразумевает неожиданность приезда посольства Путятин для китайцев.

¹⁰⁷ Троицкосавск, позднее в состав города вошла Кяхта.

¹⁰⁸ Подразумевается четырнадцатая РДМ.

¹⁰⁹ Гурий (в миру — Григорий Платонович Карпов) (1814–1882) — родился в семье священника в Саратове. В 1836 г. окончил Саратовскую духовную семинарию, после чего работал преподавателем латинского языка в Саратовском духовном училище. В 1837 г. поступает в С.-Петербургскую духовную академию. 12 июня 1838 г. принимает монашество под именем Гурия. 4 августа — рукоположен в дьяконы, 20 ноября 1839 — в иереи. В 1839 г. зачислен участником двенадцатой РДМ, в этом же году досрочно сдал экзамены, утверждён в степени кандидата богословия. В Пекине занимался миссионерской деятельностью, переводом на китайский язык богослужебных книг и молитв. Один из кандидатов на должность руководителя тринадцатой РДМ. По возвращению из Китая в 1855 г. возведён в степень магистр богословия, а 25 августа 1856 г. назначен руководителем четырнадцатой РДМ. 10 декабря 1860 г. получил орден св. Анны 2-й степени. В период руководства миссией занимался миссионерской работой, переводами (в т.ч. Нового завета) и дипломатической деятельностью. По возвращению в Россию пожалован орденом св. Владимира 3-й степени и пожизненной пенсией в 1500 р. 26 января

15 октября № 28). Между тем [в] июне того же года последовало заключение Тянь-цзиньского трактата. Ратификация последовала в Петербурге в августе. Инструкцией от 1 сентября 1858 г. на Перовского был возложен обмен ратификаций с Китаем. В той же инструкции Приставу поручалось: выговорить разрешение нашим караванам ходить до Пекина, или по крайней мере до Калгана, или хотя [бы] до Урги, разрешение устройства факторий для караванов, и наконец устроить факторию в Кашгаре.

Ратификацию и инструкцию повезли из Иркутска есаул Хитрово и коллежский ассессор... (фамилия неразборчиво), о чём генерал-губернатор Муравьев известил Министерство Иностранных Дел 16 октября.

Перовский уведомил о получении им инструмента ратификации 29 ноября.

Между тем китайцы уже успели оправиться от ужасов летнего нападения англо-французов на форты в устье Пейхо¹¹⁰, и прибегли к различным уловкам затруднивших обмен ратификаций. На беду в различных текстах трактата: русском, китайском и маньчжурском оказались различия, что окончательно затормозило дело. Об этом Перовский доносил в феврале 1859 года. — Обменять ратификации удалось только 12 апреля, о чём Перовский донёс 15 апреля. При этом он объяснил, что для достижения цели он был вынужден подписать и вручить китайским сановникам бумагу, обуславливающую условие допущения русского посланника через Тянь-цзиньский порт. На основании 2-й статьи Тянь-цзиньского трактата: «Российские Посланники могут следовать в Пекин или из Кяхты через Ургу, или из Дагу, при устье реки Хай-хэ (Peiho), или иным путём из других открытых городов или портов Китая». Обязательство, которое должен был подписать Перовский, заключалось в том, что в случае намерения Посланника ехать в Пекин морем, то Китайское Правительство должно быть предварительно оповещено об этом, чрез Ургу. Если нет препятствий для высадки при устье Хайхэ, то об этом извещается Русское

1866 г. назначен настоятелем посольской церкви в Риме, а 11 мая того же года становится епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии, после чего переведён на самостоятельную кафедру епископа Симферопольского. В 1869 г. награждён орденом св. Владимира 2-й степени. Активно занимался миссионерской деятельностью среди раскольников и сектантов. Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 18 мая 2008 г. прославлен в лике местночтимых святых с днём памяти 17 марта. Подробнее см. [6, с. 84, 87–88, 89, 96–110; 30, с. 475–477].

¹¹⁰ Очевидно, имеются ввиду форты Дагу на р. Байхэ.

Правительство. Русские суда прибыв к устью реки, останавливаются у бара¹¹¹ (Лань-цзянь-ши)¹¹² и сообщают о своём прибытии. Китайское правительство тогда отправляет вниз по реке для встречи и охраны Посольства, которое выезжает в Пекин чрез Северную плотину Бэйтан¹¹³ (т.е. местность, где расположено наше северное подворье).

Китайцы помнили вторжение иностранцев на своих судах по р. Хай-хэ до Тянь-цзиня, в 1858 году, и принимали меры предосторожности.

Довольный одержанным им частичным дипломатическим успехом и надеясь на благосклонность к нему Директора Азиатского Департамента, Е.П. Ковалевского¹¹⁴, Перовский уже в мае 1859 г. входит с представлением об освобождении его от других возложенных на него поручений и в командировании ему в Пекин приемника.

Это официальное донесение сопровождалось частным письмом к Ковалевскому, содержание которого обескуражило всю цензурную и в сущности дрянную натуру Перовского. Умоляющий тон письма и женские жалобы в нём заключавшиеся были недостойны уважающего себя человека. Письмо это поразило Князя Горчакова и он написал на нём: «Перовский может быть хороший чиновник «*mais certes ce n'est pas un homme d'action*»¹¹⁵. (заметка на полях — Этого письма я тщетно искал... (неразборчиво два слова) в 1905 г. Осталось ли оно у Ковалевс. или уничтожено моб. самим Перовским??).

Этот отзыв был роковым для его карьеры. Разрешение выехать из Пекина было выдано Перовскому легко, так как новый Посланец в Китай уже выехал из Петербурга 6 марта 1859 года.

¹¹¹ Подводная форма рельефа.

¹¹² Вероятно, *ланьцзянши* 攔江沙 — А.К. — отмель, песчаный нанос, островок в устье реки.

¹¹³ По всей видимости, имеется ввиду Бэйтан 北塘 — район, находившийся к востоку от Тяньцзиня, в устье реки Байхэ, ныне — район городского подчинения Биньхай синь-цзюй 滨海新区. По всей видимости, комментарий Остен-Сакена о расположении северного подворья РДМ ошибочен, так как из текста следует, что Бэйтан находится вблизи Тяньцзиня, когда как северное подворье РДМ (Бэйгуань 北館) располагалось в Пекине. Кроме того, автор переводит вторую часть названия (*тан* 塘) именно как «плотина», а не как «подворье».

¹¹⁴ Егор Петрович Ковалевский (1811–1868) — дипломат, востоковед. В 1849 г. сопровождал 13-ю РДМ в Пекин. В 1851 г. подписал Кульджинский договор. В 1856 г. назначен директором Азиатского департамента МИД. Участвовал в разработке Айгунского договора [13, с. 74].

¹¹⁵ «но, очевидно, это не человек действия».

В Петербург он прибыл в половине декабря и был принят довольно сухо. Попытки получить сколько-нибудь видное самостоятельное место, не удавались; и в 1863 г. он решил взять место Ген. Консула в Геную, где и умер в 1865 г.

Но возвращаюсь к истории «Дневника». Во время пребывания Перовского в Пекине, начальник 13-й Духовной Миссии Архимандрит Палладий показал ему свой дневник, который конечно привёл в восторг Перовского по литературности, художественности изложения, а главное потому, что он совершенно ронял значение Путятинского Посольства и этим доставлял удовлетворение Муравьеву. Перовский уговорил Арх. Палладия дать ему этот дневник, для пересылки в Петербург. Всякому знавшему осторожный, даже мнительный, характер о. Палладия такой поступок представляется необъяснимым. Дневник был отправлен в Петербург 29 ноября 1858 г., не помню теперь, по какому обстоятельству он был получен в Азиатском Департаменте только 11 марта 1859 г. В короткой препроводительной записке Перовский предупреждал Е.П. Ковалевского, что посылает этот дневник «подлинник исключительно на Ваше только благоусмотрение». Предполагавшегося эффекта дневник однако не произвёл. Ковалевский в то время уже охладел к Перовскому, был недоволен его сближением с Муравьевым, досадовал на его неумелость в переговорах с китайцами. Я был у него (Ковалевского. — А.К.) в кабинете, когда пришла пекинская почта: он взглянул на толстую тетрадь, прочёл препроводительное письмо, и передавая их мне, сказал: «Ну это какие-то пекинские сплетни, этого я не буду читать».

Сколько мне известно, кроме двух-трёх товарищей, которым я давал читать этот литературный перл, никто его не читал ни в Министерстве, ни вне его.

Пострадал только один автор, который долго мучился в сознании допущенной им опрометчивости. Он не мог успокоиться на мысли, что дневник¹¹⁶ не получил почти никакой огласки. Вернувшись в

¹¹⁶ Далее следует врезка: «9 марта 1859 года архимандрит Палладий написал из Пекина директору Азиатского Департамента Е.П. Ковалевскому: „...я слышал (?), что мой доморощенный дневник представлен Вашему Превосходительству, может быть я не должен был бы высказывать с такою дерзостью свои личные и исключительные взгляды, которые могли быть отняемые обстоятельствами; но я уступил настоятельному желанию Петра Николаевича и собрал воедино мои старые воспоминания, согрешил на старости лет и службы. Утешаюсь хотя бы тем, что мои писания не обратят (на себя) строго внимания Вашего и останутся под спудом неизвестности и незначительности“. Далее, по всей видимости, идут слова самого Ф.Р. Остен-Сакена: «Так они и остались до сих пор; но смею надеяться, что эти наблюдения и мысли

Петербург, он явился ко мне, заговорил о своей неосторожности, каляся, и наконец придумал следующее: так как граф Путятин без сомнения знает о существовании дневника, то хорошо было бы для прекращения всяких дальнейших сплетней, напечатать его, напр. в Морском Сборнике, подвергнув его предварительно строжайшей чистке и цензуре. Меня он просил взять на себя эту работу. Я конечно согласился и указал ему что, на мой взгляд, подлежит исключению. Но о. Палладий в обуявшем его страхе, не удовольствовался этим, и вымарал гораздо больше. И всё-таки, несмотря на беспощадную цензуру, оставшееся представляло из себя очень занимательную статью.

В таком виде дневник появился в августовской и сентябрьской книжке Морского Сборника за 1860-й год. В ниже помещаемом экземпляре статьи восстановлены все исключённые места.

Остен-Сакен.

15 января 1905 г.

Я перечитываю, с наслаждением, дневник и вздумал снабдить его несколькими примечаниями.

1. К стр. 483¹¹⁷. О Емин шене¹¹⁸. Кантон был взят Англо-Французами 29 декабря по новому стилю 1857 г. Емин шень был найден в городе и взят в плен 5 января нового стиля 1858 г.; вместе с ним задержан Губернатор провинции «Pih-Kwei¹¹⁹»). Емин шеня

хорошего русского человека когда-нибудь появятся на свет Божий». Подпись 27 сентября 1905 г.

¹¹⁷ Страницы первого издания дневника в журнале Морской сборник.

¹¹⁸ Е Минчэнь 葉名琛 (1807/1809–1859) — родился в провинции Хубэй 湖北, состоял в академии Ханьлинь. С 1848 г. — губернатор провинций Квантун (Гуандун) и Гуанси 廣西. Придерживался мнения, что нельзя идти на уступки иностранцам, однако в период Второй опиумной войны не сумел оказать военное сопротивление англичанам, когда те в декабре 1857 г. подвергли бомбардировке г. Сянган (Гонконг). В названный момент Е Минчэнь находился с войсками в провинции Гуанси для подавления народного восстания. Впоследствии был схвачен британскими войсками и в качестве узника препровождён на Калькутту, где умер от болезни. В Гонконге имел прозвище «Шесть не»: «Не воюет (*бу чжань* 不戰), не мирится (*бу хэ* 不和), не обороняется (*бу шоу* 不守), не умирает (*бу сы* 不死), не сдаётся (*бу цзян* 不降), не отступает (*бу цзоу* 不走)». Подробнее см. [69].

¹¹⁹ По Гуй 柏貴 (?–1859) — монгол из рода Эчжэтэши 額哲忒氏, состоял в корпусе Жёлтого знамени. В 1819 г. выдержал провинциальные экзамены. Занимал должности начальника уезда (*чжи-сянь* 知縣) и правителя области (*чжи-чжоу* 知州) в провинциях Гуанси и Гуандун, служил генерал-губернатором (*сюнь-фу* 巡撫) в провинции Хэнань (河南). В период Второй опиумной войны предлагал пойти на компромисс к англо-французским требованиям, подал доклад с жалобой на губернатора Е Минчэня, после смещения

было решено отправить в Калькутту; а его помощника выдворили начальником Кантона, конечно с английским и французским ассистентами. С задачей управлять городом с его миллионным населением европейцы не совладали бы. Об указе заключающим низложение Е[мин Шеня] и назначение ген. губернатором Хуан-цунханя¹²⁰, Лорд Элгин донёс лорду... (английская фамилия неразборчиво) из Нинбо 19 марта 1858 г. Он объясняет при этом, что не успел добыть экземпляра сего Указа, и прибавляет характернейшую для китайцев подробность, что в том же указе Богдыхан утверждает Pih-Kwei временным ген. губернатором; игнорируя разумеется совершенно распоряжение сделанные для этого лица Англичанами!! (Correspondence Relative to the Earl of Elgin's Special Missions to China & Japan, 1857–1859, London, 1859, page 231).

2. К стр. 484. Не понимаю также настояний Графа о свободе Христианства. 8-я статья Тяньцзиньского трактата, по поводу Христианства, не понравилась и в Петербурге. Некоторым оправданием могла бы служить инструкция сообщённая гр. Путятину 4 мая 1857 г. В этой инструкции написанной вследствие ходатайства Англии о... (одно слово пропущено) где гр. Путятин содействовал целям, преследуемым Англичанами в Китае было, между прочим, поручено нашему Представителю стараться об обеспечении свободы вероисповедания для христиан в Китае.

Французский трактат (ст. 13) упоминает о «religion chrétienne» вообще, тогда как 8-я ст. английского трактата говорит только о Протестантах и Католиках. След[овательно] Путятин мог бы конечно ограничиться упоминанием Православия; и вот здесь и высказалось всё неудобство совместных действий с Зап. Державами. Впрочем следует заметить что гр. Путятин, при всей своей набожности и страстном исполнении обрядов Православной церкви имел замечательную

которого некоторое время исполнял обязанности губернатора провинций Гуандун и Гуанси. В период своего губернаторства сотрудничал с английскими представителями, тем самым создав повод для китайских историков называть в этот период территории провинций Гуандун и Гуанси первым марионеточным государством в Китае. Умер в Гуанчжоу. Подробнее см. [54].

¹²⁰ Хуан Цзунхань 黃宗漢 (1803–1864) — в 1834 г. успешно сдал экзамены на высшую учёную степень *цзиньши* 進士, после чего занимал различные чиновничьи посты: управляющего делами военного министерства (*бин-бу чжу-ши* 兵部主事), управляющего канцелярией военного министерства (*цзюнь-цзи чжан-цзин* 軍機章京), цензора (*цзи-ши-чжун* 給事中). В 1857 г. был назначен губернатором провинций Гуандун и Гуанси (*Лян Гуан цзун-ду* 兩廣總督). Подробнее см. [58].

наклонность к католицизму, верил в чистилище¹²¹ и (слово неразборчиво); и при составлении ст. 8 конечно имел в виду и католиков.

Литература

На русском языке

1. Айгунский договор // Дипломатический словарь / Под ред. А.А. Громыко. Т. I. М., 1971. С. 30–31.
2. Андреева С.Г. Тяньцзиньский и Пекинский договоры. Участие Пекинской Духовной Миссии в их заключении // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск–Хэйхэ, 2011. С. 3–7.
3. А.О.Т. Перовский Петр Николаевич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Т. 13. СПб., 1902. С. 551.
4. А.П. Выписки из дневника, ведённого в Пекине в 1858 г. // Морской сборник, 1860. № 9. С. 483–509.
5. А.П. Выписки из дневника, ведённого в Пекине в 1858 г. // Морской сборник, 1860. № 10. С. 88–105.
6. Архимандрит Авраамий. Краткая история русской православной миссии в Китае // Бэй-Гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.–СПб., 2006.
7. Архимандрит Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию, в 1870 г. // Записки императорского русского географического общества по общей географии (ЗИРГО). Т. IV. 1871. С. 329–458.
8. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. Хабаровск, 1986.
9. Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М., 2000.
10. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
11. Гро, Жан-Батист-Луи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. IXа. СПб., 1893. С. 744.
12. Дацышен В.Г. Русские китаеведы XVIII — начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики, т. I / Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013. С. 532–550.
13. Дипломатический словарь / Под ред. А.А. Громыко. Т. I–II. М., 1971.
14. Иванов Алексей Иванович. URL: <http://memory.pvost.org/pages/ivanov.html>
15. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.

¹²¹ Согласно католическому вероучению, чистилище — промежуточное состояние между адом и раем, в котором до искупления пребывают души умерших, не отягощённые тяжёлыми грехами. Православное вероучение отрицает существование чистилища.

16. Константин Николаевич // Русский биографический словарь / Под ред. *А.А. Половцева*. Т. 9. СПб., 1903. С. 120–155.
17. *Латин П.А.* Первая школа русского языка в Китае. М., 2009.
18. *Ларичев В.Е.* Потерянные дневники Палладия Кафарова (новые материалы к истории археологии русского Дальнего Востока) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, 1966. № I. Вып. I. С. 114–122.
19. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998.
20. Муравьев Н.Н. // Дипломатический словарь / Под ред. *А.А. Громыко*. Т. II. М., 1971. С. 341.
21. Нанкинский договор // Дипломатический словарь / Под ред. *А.А. Громыко*. Т. II. М., 1971. С. 354–355.
22. *Непомнин О.Е.* Доктрина внешней политики // Энциклопедия «Духовная культура Китая». Т. 4. Историческая мысль и правовая культура / Под ред. *М.Л. Титаренко*. М., 2009. С. 161–168.
23. Нессельроде К.В. // Дипломатический словарь / Под ред. *А.А. Громыко*. Т. II. М., 1971. С. 383–384.
24. Орлов А.Ф. // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 31. М., 1955. С. 201.
25. *Палладий*. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. II. С. 225–282.
26. *Палладий*. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э.В. Бретшнейдера и замечаниями проф. чл. сотр. А.М. Позднеева // ЗИРГО по общей географии. XXII. №1. СПб., 1892, X.
27. *Писарев А.А.* Тайпинское восстание // История Китая / Под ред. *А.В. Меликсетова*. 4-е издание. М., 2007. С. 308–323.
28. *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е.В. Пулягина // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Москва–Иркутск–Тэгу, 1997. С. 32–41.
29. Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. URL: http://www.bfirz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf
30. Протодьякон Василий Марущак Гурий // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. XIII. М., 2006. С. 475–477.
31. Пулягин Е.В. // Дипломатический словарь / Под ред. *А.А. Громыко*. Т. II. М., 1971. С. 588.
32. Пулягинская миссия // Дипломатический словарь / Под ред. *А.А. Громыко*. Т. II. М., 1971. С. 588–589.
33. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 415.
34. Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 / Под ред. *Е.А. Адамова*. М., 1952.
35. Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. СПб., 1889.

36. Священный союз // Дипломатический словарь / Под. ред. А.А. Громыко. Т. III. М., 1973. С. 124–125.
37. Соломонов Б., Соломонов П. Война на Тихом океане 1854–1856 // Флотомастер. № 5. 2004. С. 4–11.
38. Торквемада Томас // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб., 1901. С. 631.
39. Тяньцзиньские договоры // Дипломатический словарь. Т. II / Ред. А.Я. Вышинский. М., 1950. С. 835–838.
40. Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. М., 1982. С. 284–339.
41. Хохлов А.Н. Переговоры Е.В. Путятина с Ци Ином в 1858 г. // Десятая конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1979. С. 36–53.
42. Хохлов А.Н. П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (краткий биографический очерк) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 1. М., 1979. С. 3–90.
43. Хохлов А.Н. П.И. Кафаров и его эпистолярное наследие // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 2. М., 1979. С. 124–225.
44. Хохлов А.Н. Лифаньюань // Энциклопедия «Духовная культура Китая». Т.4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 536.
45. Эльджин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLa. СПб., 1904. С. 672.
46. Юркевич А.Г. Кафаров // Энциклопедия «Духовная культура Китая». Т. 2. Мифология. Религия / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 476–477.

На китайском языке:

47. Аньбань (按班) // URL: <http://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%8C%89%E7%8F%AD>
48. Бяньсю (编修) // URL: <http://baike.baidu.com/view/49081.htm>
49. Гуйлян (桂良) // URL: <http://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%A1%82%E8%89%AF>
50. Да сюэ-ши (大学士) // URL: <http://baike.baidu.com/subview/31596/6097188.htm>
51. Ии чжи и (以夷制夷) // URL: <http://baike.baidu.com/view/96443.htm>
52. Либу (吏部) // URL: <http://baike.baidu.com/view/57785.htm>
53. Лифаньюань (理藩院) // URL: <http://baike.baidu.com/view/56766.htm>
54. По Гуй (柏贵) // URL: <http://baike.baidu.com/view/384121.htm>
55. Синбу (刑部) // URL: <http://baike.baidu.com/subview/57805/11259245.htm>
56. Тайвань-фу (台湾府) // URL: <http://baike.baidu.com/view/612895.htm?fr=aladdin>
57. Умитэ Хуашана (伍弥特·花沙纳) // URL: <http://baike.baidu.com/view/1483323.htm>
58. Хуан Цзунхань (黄宗汉) // URL: <http://baike.baidu.com/subview/384151/6388100.htm?fr=aladdin>
59. Юйчэн (裕誠) // URL: <http://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%A3%95%E8%AA%A0>

На европейских языках:

60. *Chassiron Charles de*. Notes sur le Japon, la Chine et l'Inde. E. Dentu, 1861.
// URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Notes_sur_le_Japon,_la_Chine_et_l%27%80%99Inde/Chine_1_trait%C3%A9
61. *Harris David, Van Slyke Lyman P.* Of Battle and Beauty: Felice Beato's Photographs of China. University of California Press, 2000.
62. Journal de St.-Petersbourg // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Journal_de_St.-Petersbourg
63. *Kuhn Philip A.* The Taiping Rebellion // The Cambridge History of China. Vol. 10. Part 1 / ed. by *John K. Fairbank*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
64. Pantheism // URL: <http://plato.stanford.edu/entries/pantheism/>
65. The Chinese and their Rebellions: Thomas Taylor Meadows on Taiping Warfare and the Emergence of the Traditional Chinese Martial Art // URL: <http://chinesemartialstudies.com/2013/06/14/the-chinese-and-their-rebellions-thomas-taylor-meadows-on-the-taiping-warfare-and-the-emergence-of-the-traditional-chinese-martial-arts/>
66. Treaty of Tien-Tsin between the Queen of Great Britain and the Emperor of China // URL: http://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Tien-Tsin_between_the_Queen_of_Great_Britain_and_the_Emperor_of_China
67. Treaty of Tien-Tsin between the United States of America and the Empire of China // URL: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Tien-Tsin_between_the_United_States_of_America_and_the_Empire_of_China
68. William Bradford Reed // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/William_Bradford_Reed
69. Ye Mingchen // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Ye_Mingchen

*A.M. Kulikov**

Tianjin negotiations in the diaries of archimandrite Palladius (Kafarov) and baron F.R. Osten-Sacken

ABSTRACT: This article describes participation of archimandrite Palladius (Kafarov) in 1858 Tianjin negotiations and the description of negotiations in the diaries of Palladius and baron Osten-Sacken. The article is based on the manuscript, located in the Russian state archive of ancient acts (RSAOAA) and contains not published introduction to the diary of Palladius.

KEYWORDS Sino-Russian relations, Palladius Kafarov, Treaty of Tientsin, Russian Orthodox mission in China, Yevfimiy Putyatin.

* Kulikov Andrei Mikhailovich, postgraduate student of China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; teacher of chair «Foreign Languages-4» in Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; E-mail: bilis@inbox.ru